
Вера ЗУБАРЕВА

ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН¹

ВИЗИТ ТЕТКИ

...И время пошло-покатило. В рейс — из рейса, в рейс — из рейса.

В порту Виктора давно уже никто не встречал. Сестра Женя работала, а больше некому было. Раньше, при жизни матери, из каждого его возвращения устраивался праздник, а теперь наступили будни. Нет, не те, о которых он мечтал вдали от берега, а настоящие, лишенные романтики, беспросветные будни.

Вот и сейчас возвращался он к себе после рейса с одной только мыслью — прийти домой и свалиться в койку. От усталости не замечал уже ничего, даже город не радовал, как прежде. Все как-то потускнело, облупилось, потеряло былую привлекательность. Он шел по потрескавшемуся асфальту, мимо дворов с запахом мусорных баков и жареных бычков. На чугунных воротах красовались надписи мелом «Туалета нет», но это было неправдой, и надписи постоянно кто-то стирал, а жильцы писали их снова.

Придя домой, Виктор бросил вещи прямо у двери, опрокинул рюмку водки, закурил застарелым куском копченой колбасы, выкурил папиросу, и как только усталость дала себя знать, бухнулся на диван и мгновенно провалился в сон.

Звонок в дверь с последующим настойчивым стуком пробудил его. Пока он приходил в себя, пытаясь понять, где он находится, стук повторился еще несколько раз.

— Да слышу, слышу... — глухо отозвался он, надевая брюки. — Сейчас открою. Кто там?

— Свои, открывай! — раздался немного сердитый женский голос.

Голос показался ему знакомым, но спросонья трудно было сообразить, кто это.

Наконец он отпер дверь. Женщина — довольно крепкая, невысокого роста, средних лет, со свертками в руках. Чемодан стоял перед ней. По всему было видно, что настроена она весьма решительно.

— Марья Юрьевна! Какими судьбами? — обрадованно воскликнул Виктор, беря у нее свертки и внося чемодан в прихожую. Она наблюдала, подбоченясь, как он пытался найти место ее вещам в прихожей.

— Ну что, может, пригласишь тетку в дом? — спросила она наконец.

Вера Кимовна Зубарева — Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преподает русскую литературу в Пенсильванском университете..

¹ Фрагмент романа «Лоцман на трубе». Часть III. Часть I опубликована в журнале «Новая юность» (2019, № 12), часть II — в журнале «День и ночь» (2020, № 1).

— Да, да, конечно, проходите! Вот сюда... Простите за беспорядок... Только с рейса пришел и завалился спать...

Виктор посторонился, отодвигая ногой коробку с обувью. Гостя прошла в комнату, чуть переваливаясь, и, словно барахтаясь в воздухе, замахала руками.

— Фю! Накурил как! Хоть топор вешай! Тут и разглядеть-то ничего нельзя. Ну и дымище! Ты что, теплоход?

— Пароход, — отшутился Виктор, быстро приглаживая волосы.

— Мне это все одно, а вот ты лучше скажи, племянничек, до каких пор бобылем жить будешь? К тебе ведь ни одна женщина не войдет в такой бедлам. — Она поковыляла на кухню, покачивая головой и приговаривая: «М-да...»

— Чайку с дороги? — спросил Виктор, пытаясь исправить впечатление и ставя чайник на плиту.

Марья Юрьевна открыла холодильник.

— Ну вот, так я и думала. Водка да колбаса. — Она снова покачала головой.

— Да вы не беспокойтесь, тетя, это мы вмиг исправим. Пока чай закипит, я сбегую в гастроном. Он тут, на углу.

— Да знаю я твой гастроном! Помню. Ничего съестного, кроме мух на прилавках. Я тебе тут наших продуктов привезла, молдавских. Ну-ка принеси мне сюда те свертки, что возле чемодана!

Виктор поспешно принес свертки и положил их на стол перед теткой, которая уже отдувалась на табурете, обмахиваясь старой газетой.

— Ну вот, сейчас... — Она стала разматывать свертки и доставать слегка уже промасленные упаковки с едой.

Холостяцкое жилище быстро наполнилось ароматами семейного очага.

— Боже, да где ж вы всю эту красоту достали, Марья Юрьевна? Это ж целый пир на весь мир можно устроить! — подивился Виктор.

— Есть свои люди на базе, — гордо заявила тетка, явно польщенная впечатлением, которое произвели дары на ее племянника. — Ты давай перекуси немного, а потом Жене на работу позвони, вечером вместе обедать будем. Две копейки на автомат найдутся, надеюсь?

— А как же! Вон целый карман! — Виктор весело позвенел мелочью. — Мне без этого никак нельзя.

— Ладно, ладно. Потом расскажешь. Вот тебе бутерброд, жуй и беги, позвони, пока она с работы не ушла. А то уже скоро и рабочий день закончится, будешь тогда к ней домой за приглашением ехать.

— Не волнуйтесь, тетя, сейчас мы все уладим, — с набитым ртом уверил ее Виктор.

— Ох, ты ж горе мое, — завздохала тетка, глядя на изголодавшегося по нормальной пище племянника. — Ты ешь, ешь, успеется позвонить...

* * *

Вечером пришла Женя с семьей.

— Моя ты красавица! — запричитала тетка, обнимая Женечку. — И ты тоже такой красавицей станешь, когда подрастешь, — наклонилась она к Лорочке, чмокнув ее в щечку.

— А что ты мне привезла? — полюбопытствовала Лорочка, вырываясь из тетких объятий и пытаясь раскрыть чемодан.

— Ну, девка, не пропадешь! — захохотала тетка, вытаскивая из сумки леденцы и красочную детскую книжку. — Читать любишь?

— Не-а. Я люблю, когда мне другие цитуют. А ты мне будешь цитать?

— Буду, буду. Пока иди, полистай сама книжечку, а мы тут с родителями побалакаем.

— Я не знаю что такое полабакаем, — сказала Лорочка, усаживаясь на диван с книжкой.

За разговорами был незаметно накрыт стол, и тетка скомандовала всем мыть руки и усаживаться «согласно купленным билетам».

— Пожалуйста, пожалуйста, — приговаривала она, предвкушая наслаждение от того, как станут поедаться привезенные ею яства.

Все двинулись к столу, сглатывая слюну.

— Рассаживайтесь, а я тут картошечки еще нажарила. Котлеты, колбаску берите и лучок, лучок зелененький с огурчиками... А что Лорочке можно дать?

— Она в саду только поела, еще не голодная, — ответила Женя, надкусывая котлету. — Ох и сочные же у вас котлетки, тетя! Фирменные! Ну, рассказывайте, как там Люсенька, Эрик.

— Да нормально все у них. Как же еще-то! Они ведь два ведущих врача в нашей каларашской больнице. Устроены прекрасно, дай бог каждому. Ни в чем не знают отказа, все к ним ходят, продуктами балуют, все свеженькое, домашнее.

— Ну да, ну да, — одобрительно закивал Сергей, накладывая копченую колбасу поверх картошки.

— А Витюша у нас настоящим капитаном стал! — похвасталась Женя, прильнув к брату на минутку. — Огурчик наколи... Ага, спасибочки!

— Да что ты? Да как же это? Виктор, так что ж ты мне сразу не сказал! «В гастроном сейчас сбегает», — говорит, а о новости такой важной умолчал. Когда ж ты звание свое получил?

— В мае, тридцать первого, — ответила за него Женя. — Представляете, тетя, ему присвоили звание капитана дальнего плавания!

— Ну, Виктор, ну, ты даешь! Фенечка вот не дожила... Но она всегда верила в тебя, всегда! Ой, давай-ка я тебя расцелую, племянник ты мой золотой! — Она громко чмокнула Виктора в щеку. — Колючий... Побриться не забудь, капитан! Так, говоришь, тридцать первого мая? Ну, за это нужно выпить. Наливайте бокалы за нашего фамильного новоявленного капитана!

Все радостно разлили молдавское вино и звонко чокнулись.

— Ну, чего ж тебе еще пожелать? — сказала тетка, опорожнив бокал. — Выше уже вроде и звания нет... Ну значит, береги себя и будь достоин своего звания! Нелегко оно тебе досталось, но впереди — жизнь, тоже непростое дело. Как там у вас, моряков, говорится? Жизнь прожить — не океан перекачать! — Довольная сымпровизированным каламбуром, тетка наколола на вилку котлету и с аппетитом закусила. — И впрямь сочные получились. Даром что в поезде со мной ехали. Ни чуточки не посохли.

— А надолго ли сюда, к нам, Марья Юрьевна? — осведомился Сергей, подморгнув Виктору.

— Если Виктор не выгонит, то пару недель побуду, кости свои на вашем одесском песочке погрею.

— Ну вот, с чего это я вас выгонять стану, тетя? Вы нам родная. Живите себе тут на здоровье, отдыхайте. А хотите — на дачу перебирайтесь.

— Ну, спасибо, добрая душа! — она приложила руку к сердцу и в умилении покачала головой. — Ой, Феня, Фенечка, такого красавца вырастила... А что, от Тани давно ли что-то получал?

— Да как развелись они, не слышал больше, — ответила за него Женя. — Только алименты отсылает ей, а на письма она не отвечает. Даже о Сашеньке ничего не известно.

Виктор помрачнел.

— Ну, будет тебе, Женя. Давайте выпьем за нашу гостью. За вас, тетя, — сказал он, открывая новую бутылку.

Насытившись закусками, все немного размякли, подобрели.

— Вот что я тебе скажу, племянник, — вдруг решительно заявила тетка. — Жениться тебе пора. Мужу одному жить негоже, и мать твоя этого бы не одобрила.

— О женитьбе он и слышать не хочет, — горестно покачала головой Женя. — Уж сколько невест ему приводила — даже смотреть не желает.

— Это что ж так? — вскинула брови тетка. — Болен, что ли?

— Да здоров, здоров, — пробормотал Виктор.

— Ну, а здоров, так и заводи здоровую семью, — отрезала Марья Юрьевна.

— Никто мне не по душе, а *так* — уже было один раз. Больше безотцовщину не стану разводить.

— Не по душе, говоришь? А ты душу-то открой сперва, а потом уже выводы делать будешь, — отпаривала тетка.

— Да кому открыть-то? Некому...

— Ну да, некому! — возмутилась Женя. — Я тебе и Людмилу приводила, и Регину...

— Да не нужны мне твои Людмилы да Регины, не мои! Точка.

— Ну, а с моей невестой хочешь познакомиться? — вкрадчиво спросила тетка.

— Откуда я знаю, — буркнул Виктор. Не хотелось ему гостью обижать.

— А ты ее видел.

— Когда?

— А тогда, помнишь, я с ней как-то приезжала? Она после десятого класса в институт в Кишиневе поступала, а я ее с собой отдохнуть на недельку к вам взяла. Лялечкой зовут.

— Это черноволосенькая такая, что ли?

— Она самая. Знала ведь еще тогда, что заприметил ее! — воскликнула тетка, повернувшись с победоносным видом к Жене. — Сразу почуяла, что Лялька в его вкусе!

— Так она ж только недавно школу окончила, — удивился Виктор.

— Окончила. А теперь уж и институт заканчивает. Такая красавица стала — глаз не оторвать! К ней один оператор посватался, на практике познакомились, да Надежда Константиновна, мать ее, не хочет дочь киношнику отдавать... Ну, так что? Знакомить?

То ли упоминание о сватовстве киношника, то ли его собственные воспоминания подействовали на градусе, только Виктор вдруг выпалил:

— Знакомьте, тетя! На этой — женился бы.

Все рассмеялись.

— Ну, вот и сговорились, — удовлетворенно сказала Марья Юрьевна. — А теперь спать пора, утро вечера мудренее...

— Так куда ж спать? — заволновался вдруг Виктор. — Ехать надо. К ней ехать, знакомиться.

— Ну, езжай. Завтра с утра и отправляйся, а я тут пока побуду, дом в порядок приведу. Люсенка с Эриком тебя ждут, я им сказала, что ты приедешь. Надежду Константиновну мы тоже предупредили, она ждет.

— А ее?

— А зачем ее? Ее мы неожиданностью возьмем. Появишься ненароком, иначе все испортишь. Сказала ведь я тебе — засватана девка за другим. Узнает, что мать ее знакомить хочет, откажется. Понял?

— Понял... Ну и стратег вы, тетя! Вам бы китов отлавливать — весь план бы за неделю выполнили!

* * *

На следующее утро он сидел в плацкарте поезда, движущегося по направлению в Калараш, и вспоминал их первую встречу.

Дело было на даче, которую Виктор купил перед тем, как Сашенька родился. Таня работала, а Виктор только из рейса вернулся. В тот день он стоял на кухне, кашку варил ребенку. Сашенька рядом крутился — смотрел, как дым из кастрюльки поднимается. Вдруг дверь открылась, и вошла тетка Марья с девушкой. Он знал от Жени, что тетка сняла неподалеку комнатку у моря с одной знакомой, чтобы отдохнуть недельку. У них остановиться наотрез отказалась, сообщив, что будет не одна. Поскольку Марья Юрьевна была вдовая, все подумали, что она с кавалером, и настаивать не стали.

То, что это действительно знакомая, а не знакомый, и то, что знакомая будет так молода и хороша, Виктор не ожидал. Даже опешил в первую минуту.

— А это Лялечка, я ее с собой к морю привезла, — представила девушку тетка, отметив про себя реакцию племянника. — Ее мать с моей Люськой в больнице работает старшей акушеркой. Лялечка только что выпускные экзамены сдала, в институт поступать собирается, пусть отдохнет немного у моря, позагорает на вашем черноморском песочке. Нам тут твоя Женечка помогла комнату снять по дешевке. Женечка — это сестра Витюши, — пояснила она Ляле. — Сашуленька, детка! — обернулась она к годовалому ребенку, потрепав его по щечке. — А вот тебе книжка, сказки. Смотри, какая красивая!

— Да, у вас там, в Молдавии, книги дивные! — подтвердил Виктор, выключая кашку. — Ну все, идем кашу есть. — Он взял Сашу на руки. — А то мама вот-вот придет, и нам попадет, если мы вовремя не покушаем.

— Ты остуди, не давай ребенку с огня... — заволновалась Марья Юрьевна.

— Да знаю, знаю, не впервой. За книжечку спасибо! Заходите к нам вечером.

На этом визит и закончился, но воспоминание о нем почему-то все длилось. Чем-то эта девушка напомнила Виктору тогда его первую военную любовь, Л. Такая же черноволосая, худенькая, глаза выразительные, карие, а лицо беломраморное... Л. была ее старше всего на год, когда они с Виктором познакомились... Время, время, куда ты все унесло?

«Раз-два-три, раз-два-три», — бодро выстукивали колеса.

День стоял на редкость солнечный — ни единого облачка, словно ветер сдул весь пух небесный, а после отполировал синеву. Виктор испытывал что-то между восхищением и страхом, думая о предстоящей встрече, и ощущение, будто он балансирует на гребне волны, не покидало его всю дорогу.

НА ХОЛМАХ МОЛДАВИИ

Поезд прибыл на станцию с опозданием на полчаса. Виктор вышел из вагона и несколько минут наслаждался холмистым пейзажем молдавского местечка.

Перрон был маленьким, но людей сошло довольно много, в основном женщины с кошелками, прикупившие что-то в Кишиневе.

Городок остался у него в памяти очень светлым и уютным. Магазины, газетные киоски, будочки с водой, а в центре — универмаг, как большой пароход на лодочном причале.

С вокзала Виктор направился к Люсе с Эриком. Дорога была знакома — несколько узеньких улочек, а затем — наверх, в гору, где располагался бельэтаж с цветущими садиками.

Пели птицы, дома утопали в зелени, на ветвях качалась спелая вишня и синели сливы. Вокруг ароматных плодов тяжело кружили наполненные золотым нектаром пчелы.

Вот и Люсина калитка. Виктор легонько толкнул ее, и из будки выскочил удивленный пес. Он не залаял, а только остановился и зевнул, широко разинув пасть.

— Витюша приехал! — послышался Люсин голос с веранды. — Мама таки была права!

Следом из окна высунулся Эрик.

— Витюх, здоров! Ну ты, брат, даешь! Я уж тут было собрался поспорить с Люськой на то, что тещин план по сватовству сорвался.

— Ой, ну посмотрите только на него, спорщик мне тоже нашелся! Веди лучше гостя в дом! — Люся, не дожидаясь, сама подбежала к Виктору, чуть прихрамывая, и крепко обняла его. — Ну, молодец! Вот это я понимаю, — приговаривала она, отворяя двери в прихожую.

Виктор вдохнул еще раз аромат молдавского сада. Хорошо!

Люся тем временем стала хлопотать на кухне, нарезаая овощи и разворачивая свертки. Война и на ней оставила отметину. Да еще какую! Другая бы давно сникла, а Люське — хоть бы хны. Словно и не попадала она под бомбежку четырнадцатилетней девочкой, словно и не оторвало у нее ногу, словно и не была она при смерти. Оставшуюся культю кое-как обработали для того, чтоб протез можно было надеть, но врачи сразу предупредили, что ходить девочка сможет, а вот рожать с одной ногой — никогда. А Люська вопреки всему не только ходить, но и танцевать научилась, да еще и как! Мужа своего будущего очаровала в танце, ему и в голову не пришло, что партнерша его на одной ноге вальсирует. Будто огнем прошила его яркая белозубая брюнетка! Он свою первую жену бросил и на коленях умолил Люську выйти за него замуж, хоть и младше ее лет на пять был. Уговорил-таки. Поженились, она ему дочь родила, медицинский институт окончила, на работу устроилась, ведущим специалистом стала, а по каларашским ухабам в больницу только на каблучках и топала.

Но и это еще не все. Никогда не забудет Виктор, как приехали они к нему летом на дачу и пошли к морю. В душе он уже жалел Люську, что будет она сидеть на берегу и даже в воду зайти не сможет. Ну, да что поделаешь! Война и не так людей увечила. Все всё понимают, и, главное, Люська с восторгом к морю отправилась.

Расположились у самой воды, чтоб ей не так жарко было. Виктор с Эриком пошли воду пробовать. А Люське уж невтерпех:

— Ну что, теплая? — кричит.

— Люкс! — обернулся к ней Эрик.

Тогда она как ни в чем не бывало протез отстегнула, Эрику рукой махнула — давай, мол, я готова, и он тут же подбежал к ней, засуетился, поднял на руки и понес в воду. А она хохочет, шалит, брызги поднимает.

«Вот это любовь», — подумал Виктор тогда, наблюдая всю эту картину.

Пока Виктор раскладывал чемодан и мыл руки с дороги, Эрик все ходил вокруг него кругами, приговаривая:

— Ну теща, ну генерал — все рассчитала! Так и сказала, ждите Виктора назавтра! Как в воду глядела...

Со двора шел жар — июньское солнце брало свое, и даже пес удалился под сень будки.

В доме было гораздо прохладней. В столовой тень падала от деревьев, и шторы казались в ажурных узорах, пахло сушеными полевыми цветами в вазочке на столе.

— Красиво у вас тут, — вздохнул Виктор, оглядывая дом с какой-то неожиданной ностальгией.

Ему вспомнился Глухов, и тот таинственный лес с озером в камышах, и сосновый бор, и дом, где даже скрип половиц бередил память. И зачем все это закончилось, и зачем все это длится, тревожит, обнаруживает себя в самое неурочное время?

— Ну и приезжай почаще, Витюш, раз нравится! — сказал Эрик, похлопывая Виктора по плечу и возвращая его к настоящему.

— Почаще не выходит — я ведь в разъездах...

— А мне вот у моря нравится! — весело воскликнула Люся, появляясь из кухни с блюдом картофеля, посыпанного укропом.

На столе уже были расставлены закуски — тот же ассортимент, что тетка привезла, плюс еще много всяких других вкусов домашнего приготовления.

Виктор изрядно проголодался — ничего с собой в поезд не захотел брать, только чай заказал с бисквитным печеньем.

— Мальчики, к столу! —скомандовала Люся.

Все быстро расселись по местам, предвкушая пиршество. Эрик откупорил молдавское вино и аккуратно разлил по бокалам.

— Ну что, за встречу, братец дорогой! — весело воскликнула Люся, звонко чокаясь с Виктором.

Пока Виктор закусывал, она кивнула Эрику. Тот вышел на кухню и вскоре вернулся с объемной фарфоровой супницей.

— Вот сюда, — указала Люся на середину стола. — Так. Ну-с, отведай теперь наш фирменный холодный свекольник, — произнесла она, открывая супницу — предмет гордости женской половины семьи.

Аромат свежей зелени, свеклы и огурцов немедленно разнесся по дому.

Люся наполнила тарелку до краев густой красной жидкостью, в которой живописно колыхались мелко нарезанные огурчики.

— Пробуй!

Виктор взял у нее из рук тарелку и аккуратно поставил перед собой, чтобы не заляпать скатерть.

— Вкусно! — воскликнул он, попробовав первую ложку.

— Еще бы! Как у моей бабушки, помнишь?

— Да помню, конечно, как не помнить! — с аппетитом поедая холодный свекольник, кивнул Виктор.

— Хорошая у тебя память, Витюнь! — рассмеялся Эрик. — Ну, а когда ж с невестой знакомиться будешь?

— Да погоди ты, с «невестой»! — одернула его Люся. — До «невесты» еще далеко. Дай им познакомиться сперва. Я завтра с утра Надежду Константиновну в больнице разыщу, скажу, что Виктор приехал, пусть подумает, как устроить встречу.

— Ты лучше завтра его с собой в больницу возьми, представь их друг другу, так лучше будет, — посоветовал Эрик.

— И то правда! А ты свою морскую форму захватил с собой, Витюш?

— Да захватил, захватил, твоя мама уж так настаивала — из дому без нее не выпускала... Теперь у меня новая — капитанская... Да только не люблю я этого, правда...

— Капитанская? Ну ты даешь! Так за это ж надо выпить! — воскликнул Эрик. — И форму свою завтра обязательно надень. Любишь не любишь — это значения в данном случае не имеет. Слушай, что женщины велят, — они лучше нас, мужиков, в этих делах понимают. Ну, будем!

— Будем!

* * *

На следующее утро состоялась встреча Виктора с матерью Ляли. Это беглое знакомство привело в неопикуемый восторг Надежду Константиновну.

— Вот это мужчина! — воскликнула она, как только женщины уединились в Люсином кабинете. — Вот это красавец! А как ему идет капитанская форма! Это то, что нашей Лялечке нужно! Костями лягу, но киношника ее отважу. Он как раз уехал на съемки, так что его не будет месяца два, а за это время мы и свадьбу сыграть успеем.

— Ну, Надежда Константиновна, вы прямо как моя мамочка — все уже распланировали!

— А как же иначе? Счастье ведь вот оно — в руки идет, а Лялька моя по глупости упустить его может. Такого за секунду заберут... Ну вот что, давай-ка им встречу в универмаге подстроим. Сегодня Лялька платье хотела со мной пойти выбирать, чтоб к своему киношнику в новом на свидание выйти, когда тот пожалует к нам в Калараш после съемок. Так ты с Виктором и подходи в отдел одежды к четырем.

— Договорились. К четырем будем.

На том и распрощались.

* * *

— Ну, что? — Виктор взволнованно ходил по вестибюлю больницы в ожидании новостей.

— Упала! — кратко ответила Люся.

— В смысле?

— Покорил ты ее, братец. Теперь только с Лялькой сладить осталось, и дело на мази.

— Так это ж и есть самое главное — невесте пригласиться!

— Дурачок! Самое главное — будущей теще пригласиться, а уж она постарается. Девка твоя молодая, неопытная. Что мать нашепчет, то в ней и засядет. Ты вот что, иди пока домой, отдохни, а я часика в три прибегу, быстро перекусим и помчимся в универмаг.

— Подарки, что ли, покупать?

— Да какие подарки! Знакомиться с Лялей.

— А зачем же в универмаг?

— Она туда с матерью придет платье выбирать, вот мы их там случайно и встретим.

Понял?

— Как не понять... А что я-то там делать буду, в универмаге том? Я ведь в шмутках ничего не понимаю...

— Моряк еще мне называется! Ты что, в загранку не плавал?

— Ну, плавал. Только я там китов отлавливал и очерки писал в газеты...

— Знаю, братец, знаю, только женщинам очерки — как мыло в нагрузку к хорошему товару. Понял?

— Неужто она такая?

— Не такая. Но и такая тоже.

* * *

Он сразу узнал ее. Даже если бы она была без матери, даже если бы в другом городе — все равно узнал бы этот точеный белокаменный профиль с черной смоляной косой вокруг головы. «Хозяйка Медной горы», — назвал он ее про себя и пожелал, чтобы она не захотела его отпускать из своего чертога.

Ляля стояла перед вешалкой с какими-то серыми платьями и смотрела сквозь них, в другое, не понятное никому, пространство. Она явно была не здесь, не с этими платьями, и когда взгляд ее машинально скользнул по Виктору, она даже не удивилась, откуда в их краях появился молодой капитан. Он был вне ее взгляда, а она была вне его досягаемости.

— Надежда Константиновна, какими судьбами! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнула Люся, ринувшись к женщинам через весь зал.

Виктор остался один посреди вещей и, не зная, что делать дальше, зашел за большую вешалку с мужскими пальто, чтобы не маячить.

— Люся! Добрый вечер! А мы вот тут с Лялей платье пришли выбирать, а то ее все поизносились.

Люся подошла к вешалке и внимательно оглядела товар.

— Дрэк, — кратко прокомментировала она. — Я зайду на базу и узнаю, что у них из импорта есть. Что бы ты хотела, Лялочка?

— Я? — Ляля задумалась на минуту.

— Ах да, я не представила вас. Это Виктор, мой брат двоюродный. Приехал на пару дней погостить из Одессы.

Ляля удивленно вскинула брови. Люся оглянулась, чтобы представить Виктора, но его на месте не оказалось.

— Да куда же он подевался?

Тем временем Виктор, слышав свое имя, смущенно вышел из-за вешалки, поправляя китель.

— Здесь я... — Он слегка откашлялся.

— Ну вот, познакомьтесь. Лялочка, это Виктор.

Ляля отчужденно взглянула на него глазами цвета зеленой яшмы и сдержанно сказала:

— Ляля.

Виктор чуть склонил голову.

— Очень приятно.

Наступила пауза. Никто не мог понять, что же делать дальше в этом пространстве, заполненном «дрэком».

— Может, к нам пойдем, поужинаем вместе? — поспешила некстати с вопросом Надежда Константиновна.

Ляля зло зыркнула на мать, поджав круглые губы.

— Не знаю... Эрик дома один... — замаявшись, пролепетала Люся, исподволь следя за впечатлением, которое молодые люди произвели друг на друга.

— Так бери Эрика и приходите к половине восьмого все вместе! Я как раз на стол накрою, а брат твой нам про Одессу расскажет.

— Ну хорошо, если вы настаиваете... — так же неуверенно полусогласилась Люся.

— Настаиваем, настаиваем! Значит, ждем.

* * *

— Мама, зачем ты это делаешь? — Ляля помогала накрывать на стол, сердито поглядывая на мать. — Думаешь, я не понимаю, что ты затеяла?

— Ай, перестань! Что я затеяла? Пригласила к обеду людей — большое дело! — оправдывалась Надежда Константиновна, избегая смотреть в глаза дочери.

— Мама, за кого ты меня принимаешь? — тихо, но едко продолжала Ляля, буравя мать взглядом.

Мать чувствовала этот взгляд, но делала вид, что ничего не замечает. Ей бы уберечь дочь от брака с киношником! И откуда он только взялся на их голову! Мало им было несчастий в семье, так теперь этот навязался. И угораздило же Лялю поехать на практику туда, где их съемочная группа была! Немудрено, что заприметил ее сразу. Редкой красоты девушка. Царевну бы в фильмах играть! Самое удивительное — вылитая покойная подруга Надежды Константиновны. В ее честь и названа была Ляля. А подружку убили — из окна седьмого этажа выбросили с новорожденным. И зачем она только в Москву с мужем переехала! Да и кому понадобилось это делать? Говорят, прислуга была с шайкой какой-то связана. Да вранье это все! У подружки муж военным летчиком был, по фамилии Антюшев — личность известная в Москве. Потом и он куда-то исчез. У таких прислуга проверенная, из органов. То-то и оно... Надежда Константиновна никогда и ни с кем не делилась подозрениями, только раз на мужа глянула во время разговора о пропавшем Антюшеве, и оба сразу умолкли. А новорожденный, говорили, пожил еще немного и умер через пару часов.

Спустя несколько лет мужа Надежды Константиновны командировали в Молдавию, и они стали готовиться к переезду с Дальнего Востока в Калараш. Надежда Константиновна втайне надеялась остановиться проездом в Москве и разыскать этот злополучный дом, навестить место гибели подружки. Обсудила все с мужем и отправила его с двумя младшими детьми в Молдавию, а сама с Лялочкой сделала остановку в Москве.

Дом был высотный, хмурый, словно все еще хранил траур по убиенной. Надежда Константиновна крепко сжала Лялечкину ладошку и направилась к подъезду.

Навстречу им вышла дворничиха.

— Кого-то ищите? — спросила она, оглядывая их. Явно не москвички, приезжие. — Квартиру, что ли, разыскиваете?

— Квартиру, квартиру, — торопливо ответила Надежда Константиновна, почему-то понизив голос.

— А чью именно? Фамилию знаете?

— Антюшевы, — совсем уже тихо сказала Надежда Константиновна.

Тут и дворничиха притихла.

— А вы кто им будете? — спросила она после долгой паузы, внимательно оглядывая Лялечку.

— Подруга... Подруга я... Та самая...

— Ой! — дворничиха приложила руку к груди. — Катя я... Я при этом присутствовала... Столько времени прошло, а все она у меня перед глазами стоит... Вон там, возле того деревца, неподалеку и упала... Девочка ваша как на нее похожа!

— А окно ее где? — прошептала Надежда Константиновна побелевшими губами.

— Вон там, — Катя задрала голову и показала на седьмой этаж. — Прямо вон с того ок... — Она не договорила. Надежда Константиновна тихо осела на траву.

— Господи, господа ты боже мой! — засуетилась Катя. Быстро расстегнула блузку, стала обмахивать газетой, уже собираясь звать жильцов на помощь, но Надежда Константиновна начала приходить в себя, и бледное лицо ее чуть порозовело.

— Простите, простите меня, — пробормотала она, пытаясь подняться с земли.

Дворничиха помогла ей, отряхнула платье и повела к себе. Там она посадила гостью на кровать, поставила чайник на керосинку и вынула сушки из серванта. Чай пили молча. Надежда Константиновна все еще отходила, а когда закончили чаепитие, Катя повела ее в закуток, где они о чем-то шептались за занавеской.

Лялечка оглядывала квартиру, отхлебывая остывший чай и закусывая сушками.

На прощание женщины обнялись, а дворничиха погладила девочку по мраморной щечке и дала с собой кулечек с сушками «на дорожку».

Теперь вот словно глядит на Надежду Константиновну с Лялечкиного личика покойная подруга вечным напоминанием. И хотелось бы иной раз избавиться от этой части биографии, отмахнуться, как от дурного сна, да не получается и уже не получится никогда. Припечтала себя память к Ляльке. Смотри, мол, помни и берегай!

Надежда Константиновна украдкой вздохнула, отгоняя внезапно нахлынувшие воспоминания.

— Ничего не выйдет, мама, — тихо, но жестко повторила Ляля, имея в виду жениха. В уголках губ ее блуждала полуусмешка. Она ясно понимала, что запала в душу этому капитану, и эффект магнетического воздействия на мужчин был ей приятен. Только это ничего не меняло. Мать-то знает!

По двору послышались шаги.

— Идут! — шепнула Надежда Константиновна и бросилась к дверям встречать гостей. Они вошли втроем, здороваясь поочередно с матерью и дочерью.

— А где же Михаил Захарович? — осведомилась Люся.

— Задерживается, как всегда. Обещал к восьми быть, у них сейчас ревизия, сами понимаете... Да вы присаживайтесь! Вот у окна есть местечко для Виктора, а ты, Люсенька, возле меня, а вот тут Эрик составит Мише компанию, когда тот вернется с работы.

Окна были распахнуты настежь — прямо в холмистый сад, что плавно стекал вниз к соседскому дому. Ветки вишневого дерева колыхались у самых окон — только руку протяни, и пригоршню спелых вишен нарвать можно.

В маленькой столовой-гостиной с запахом малины и вишни то и дело появлялись со свистом изумрудные мухи, привлеченные запахом съестного.

— Кыш, вражеская авиация, — отгонял их Виктор, бросая быстрые взгляды на Лялю. Та сидела подчеркнута прямо, не отвечая улыбкой на его шуточный тон, и надменно глядела мимо.

Виктор сложил руки в замок на коленях, не зная, что делать дальше.

— А вы воевали? — спросила Надежда Константиновна, заметив его замешательство.

— Да, воевал, — ответил он, почему-то смущаясь.

— Ты смотри, такой молодой, а тоже войну испытал, — вздохнула Надежда Константиновна, подавая ему бутылку и приглашая гостей накладывать себе на тарелки.

Когда вино у всех было налито и тарелки наполнены, Надежда Константиновна поднялась и произнесла краткий тост.

— Ну что ж, гости дорогие, за знакомство!

Все подняли бокалы с рубиновым молдавским вином и уже готовы были чокнуться, как с порога донеслось:

— А вот и я!

Худощавый высокий мужчина вошел в дом, раскланиваясь с гостями.

— Прямо к тосту подоспели, Михаил Захарович! — сказал Эрик, наливая в бокал, ожидавший хозяина дома.

— Кто бы сомневался, — съязвила Надежда Константиновна.

Все чокнулись, и обстановка немного разрядилась.

Михаил Захарович поцеловал супругу и сел напротив Виктора, поприветствовав его рукопожатием. Он явно был предупрежден о визите соискателя на руку его драгоценной дочери.

— Виктор, — представился Виктор в ответ на рукопожатие.

— Очень приятно. Простите, что задержался — служба, — подмигнул ему Михаил Захарович.

Эрик было хихикнул, но строгий взгляд Люси заставил его мгновенно перейти к оливье.

— Да ты, я вижу, уже подзарядился! — сказала Надежда Константиновна, внимательно вглядываясь в мужа.

Тот улыбнулся открытой улыбкой.

— Вот женщины! Ничего от них не скроешь, — и повернувшись к жене: — Ну, мать, пятница, ревизия... Сама знаешь...

— Знаю, знаю. Закусывай давай!

Женитьба на красавице полячке чуть не стоила Михаилу Захаровичу головы во времена «охоты на ведьм». Познакомились они в дальневосточной деревушке, куда оба были направлены на работу. Он — в качестве секретаря райкома, а она — акушеркой, сразу после окончания черниговского медучилища. Влюбился он в нее моментально, как только завидел кареглазую чародейку на подводе. Проследил, куда она направилась, а вечером «ненароком» встретился ей у больницы, откуда она возвращалась в избенку-общезитие для вновь прибывших.

До общежития Надежда Константиновна так и не дошла. Статный зеленоглазый кавалерист пленил ее мгновенно, и она завернула к нему на огонек. Огонек разгорелся, а на следующее утро, когда, сгорая от стыда, она сказала, что не может выйти от него вот так, у всего поселка на виду, Михаил Захарович ответил с усмешкой:

— Не беспокойся, выходить никуда не надо, разве что замуж. За меня, разумеется. Пойдешь?

Надежда Константиновна стыдливо кивнула.

— Вот и ладно. Я сейчас сбегаю за нотариусом, оформим все бумаги прямо здесь.

Такой прыти Надежда Константиновна не ожидала, но опытный ловелас знал, что делает — эта девушка была жемчужиной, и выпустил он ее сейчас, неизвестно, с кем повенчала бы ее судьба завтра. Немало ретивых командиров ходит вокруг, как начнут ошиваться в клинике — только он и видел свою зазнобу.

Так началась их семейная жизнь — с места в карьер. Их постоянно перебрасывали из одного уголка в другой, но они не сетовали и двигались по пыльным дорогам жизни, направляемые железным перстом партии.

А вокруг сгущались тучи и наконец нависли и над их домом. Стали ходить слухи, что у приехавшего секретаря жена иностранка, и каждый день Михаил Захарович возвращался домой мрачнее тучи, не зная, что ожидает их завтра.

Один раз вызвали даже в комитет, расспрашивали.

— Это правда, товарищ секретарь, что жена у вас иностранка?

— Никакая она не иностранка. Просто раньше Осовец, где она родилась, относился к России, а после революции отошел к Польше. Но ее родни там уже не было.

— Хорошо, идите пока. Мы проверим, — сказали Михаилу Захаровичу. Но он прекрасно знал, что проверять было нечего: архив отошел к полякам вместе с Осовцом, если вообще сохранился.

Молния ударила в одном шаге от него, когда арестовали его друга. Никогда не забудет он, как шел с утра на работу и вдруг видит: навстречу идет конвой, и ведут не кого-нибудь, а его боевого товарища по гражданке Сидорчука. Как изменился тот за один день! И куда только былая стать подевалась! Плечи опущены, смотрит в землю, глаз ни на кого не поднимает, лицо серее сумерек. Прохожие обходят его, словно боятся подхватить вирус изменников родины.

Михаил Захарович, завидев товарища своего с конвойными, решил не сворачивать. Пошел прямо навстречу. А тот глаза опустил, словно не хотел смотреть, как боевой друг молча обойдет его.

Поравнявшись с ним, Михаил Захарович приостановился.

— Здоров, Петрович, — кивнул. И руку протянул.

У того глаза округлились, не знает, что и делать. А Михаил руку держит, ждет. Вот так и пожали они друг другу руки — молча, сильно, в последний раз.

— Надя, — сказал Михаил Захарович, вернувшись домой, — собирай мне вещи.

— Что? Почему? — всполошилась жена.

— Петровича взяли, а я ему прямо при всех, при конвое руку пожал. Не мог я иначе, Надя, мы с ним в Гражданскую на одном поле лежали, друг друга прикрывали.

— Понимаю, Миша, понимаю...

Всю ночь просидели они в тишине квартиры, ожидая стука в дверь. А наутро Михаил Захарович пошел на работу по той же дороге, что друга его уводили, и все его сторонились, но никто не пришел за ним ни тогда, ни после.

— И как бы я жил потом, Надя, если б мимо прошел? — говорил он жене, вспоминая все это годы спустя.

Застольная беседа немного не клеилась. Причиной была Ляля, подчеркнута не прикасавшаяся к еде и односложно отвечавшая на расспросы. После третьей рюмки Михаил Захарович взял инициативу в свои руки.

— Надолго ли к нам? — осведомился он у Виктора, накладывая себе закуску горкой.

— Да нет, нужно в Одессу возвращаться в воскресенье, работа, — ответил Виктор, вновь быстро глянув на Лялю.

Та словно и не слышала, по-прежнему возвышаясь над тарелкой с прямо поднятой головой.

— Жаль, жаль. А то бы остались, погостили. У нас сейчас сезон фруктов, — поддержала разговор Надежда Константиновна. — У вас там в Одессе небось не такие ароматные и сочные, как здесь. Черешню или малину надкусишь, а сок прямо по лицу льется. Все домашнее, с садов и огородов.

— Да, у вас тут рай, — проговорил Виктор, чувствуя, что тема исчерпывается, а другая не вырисовывается.

— А почему бы вам с нами завтра на озеро не сходить? — спросил Михаил Захарович.

— А и впрямь! Почему бы не сходить? — обрадованно подхватила Надежда Константиновна, с благодарностью взглянув на мужа.

— Пойди, пойди, Витюша, обследуешь наши местные воды, — пошутила Люся.

— Давай-давай, Синбад-мореход! — поддержал ее Эрик.

— Ну... — Виктор снова бросил взгляд на Лялю, которая по-прежнему неподвижно возвышалась над тарелкой. — В общем, я не возражаю.

Все рассмеялись.

ЗАКАТ НА ЗАОЗЕРНОЙ УЛИЦЕ

В субботу утром Виктор постучал в калитку Надежды Константиновны и Михаила Захаровича. Люся с Эриком остались дома под предлогом того, что нужно было сходить на рынок и кое-что сделать.

— Иду, иду! — радостно откликнулась Надежда Константиновна, спеша по дорожке и отпирая затвор. — Проходите, Виктор! — улыбаясь, пригласила она его в садик. — Мы уже почти готовы, только еду уложим.

Садик был прямо напротив застекленной веранды, с цветочной клумбой и гамаком между стволами абрикосовых деревьев, а другой — вниз по склону, с вишневыми и сливовыми деревьями и кустами малины.

Виктор сел в гамак и качнулся несколько раз. «Как на волне», — подумал, прикрыв глаза.

На пороге появилась Ляля в светлом ситцевом халатике и с пляжной сумкой в руках. Он вскочил, приветствуя ее.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — с жесткой усмешкой ответила она и закопошилась в сумке. Такое начало ничего хорошего не предвещало.

— Давайте сумку, помогу, — засуетился Виктор.

Ляля молча отдала ему сумку с подстилкой.

— Вы идите вперед, — скомандовала Надежда Константиновна, — а мы продукты еще кое-какие уложим и — за вами.

Ляля снова усмехнулась и, не сказав ни слова, направилась к калитке. Виктор тихо последовал за ней.

Когда улица осталась позади и они начали спускаться вниз по тропинке, ведущей к озеру, она наконец заговорила.

— Я знаю, зачем вас мама пригласила, но ничего не выйдет, это я вам сразу говорю. Никаких планов не стройте, у меня есть жених, мы любим друг друга, и как только он вернется со съемок фильма, мы поженимся.

— Вот как... Ну что ж, жених так жених. А что за фильм он снимает?

— Хороший фильм.

— Надеюсь когда-нибудь посмотреть.

— Посмотрите. Вся страна смотреть будет.

Некоторое время они спускались молча.

— А вот и озеро, — показала она рукой на сияющий круг воды вдалеке.

— Красивое, — сказал он, любуясь ее рукой.

Она снова усмехнулась. За спиной слышались шаги родителей.

— Мама, мы здесь!

— Хорошо, хорошо, мы за вами.

Озеро неподвижно сияло, позволяя рассматривать себя, но купаться в нем было запрещено.

Они расположились на берегу, и мать стала раскладывать свертки с едой.

— А вы приезжайте к нам на море, там искупаться можно будет... Вода теплая... — сказал Виктор, наблюдая, как Ляля глядит на воду.

— А что, поезжай, Ляля! — откликнулась мать. — Хоть подзагоришь немного на солнце.

— И вправду, приезжайте, — повторил он свое приглашение уже лично ей. — Будете с моей сестрой и ее семьей жить. Или с Марьей Юрьевной на даче.

— Спасибо, — поблагодарила Ляля с той же усмешкой.

За едой и разговорами не заметили, как начало садиться солнце, окрашивая холмы в цвет густого вина. День клонился к вечеру. В воздухе вспыхивали светляки и гасились о траву, как притушенные сигареты.

Разморенные солнцем, все тихо поднимались в гору, уже вместе, и путь назад был гораздо тяжелее и изнурительнее.

Возле калитки Виктор тронул Лялю за руку.

— Завтра с утра я уезжаю. Выходите сегодня к девяти. Хотелось бы еще раз повидаться... на прощание.

— Хорошо. Выйду.

* * *

В доме стояла прохлада. Глиняные постройки лучше хранят и тепло, и холод. Надежда Константиновна собственными руками обмазывала глиной стены, ладила печку.

Не беда, что туалет на улице и топить приходилось дровами, зато свой собственный очаг, о котором так мечталось в годы скитаний по дальневосточным хибаркам и общежитиям!

— Ну, вот что я тебе скажу, твой киношник о тебе уже и думать забыл, — приговаривала Надежда Константиновна, разбирая кульки с кастрюльками. — И не пишет, и не звонит.

— Позвонит. И напишет тоже.

— Ох, Лялька, Лялька! Молодая еще. Ты мать слушай. Все они такие! Наобещают с короб, а потом днем с огнем их не сыскать. Вот где он? Где? Небось каждый день на переговоры обещал вызывать.

— Он занят, мама. У него съемки.

— Вот и я говорю — съемки у него. И еще неизвестно что...

— Мама!

— Да будет тебе — «мама, мама». Чуть что, сразу: «Мама!» Я правду говорю. Сама подумай — ну, какой он тебе муж? Сколько раз ты с ним виделась? Встретились на практике, и уже все у них решено! Ты ведь ничего о нем не знаешь! У этих киношников кругом подруги, не будь наивной!

— А мне не нужно время, чтобы его узнать. Я его сразу узнала, сердцем узнала. Мы с ним, когда вечером пришли в его комнатку в общежитии, наедине остались, никого не было, я подумала, ну вот сейчас целоваться полезет, а он посадил меня на единственный стул, как королеву, и только смотрел на меня весь вечер. А потом, когда вышли, на улице уже, в нескольких шагах от моего общежития, он мне предложение сделал...

— Вот как... И что ж, даже не поцеловал при этом?

— Нет, не поцеловал. В тот вечер не поцеловал. А на следующий день, когда на поезд меня провожал, так волновался, я чувствовала... Уже у вагона склонился ко мне и сказал: «А вот сейчас я тебя все-таки поцелую». Мама! У меня этот поцелуй до сих пор на губах горит...

* * *

Вошла луна, чуть подернутая печалью облаков.

Улица была слабо освещена желтоватым светом одинокого фонаря.

Она вышла к нему с задумчивым лицом, сама как луна, обрамленная ночью гладких темных волос.

— Ну вот, уезжаю я, — сказал Виктор.

Она согласно кивнула и взглянула на луну.

— Полная луна, — сказал он. — При спокойном море это великолепная картина, нереальная...

Она снова кивнула.

— Выходи за меня, — неожиданно выпалил Виктор, понизив голос.

Ляля удивленно взглянула на него.

— Я ведь все объяснила, не так ли?

— Выходи...

— Я тебя не люблю... Я не тебя люблю.

— Полюбишь, дай мне срок. Все равно ведь будешь моей, я знаю это.

— Откуда? — Снова жесткая усмешка скользнула по ее лицу.

— Просто знаю, и все. Значит так, даю тебе месяц срока на размышление. После этого сыграем свадьбу.

— Вот как!

— Да, вот так.

ТЕЛЕГРАММА

Звонок в дверь. Коммуна из шестнадцати семей прислушивается. У каждого свой звонок, поэтому к дверям подходит только тот, к кому звонят. Этот звонок предназначен семье Горбаневых. Женя поспешно отрывается от плиты и бежит по длинному скрипучему коридору одесской коммуналки.

— Телеграмма! — торжественно объявил почтальон, доставая бумагу из сумки. — Вот, распишитесь.

Женя аккуратно расписалась и закрыла за ним дверь.

— Это от Люсенки. Ляля приезжает вечерним поездом, — сообщила она, прочитав телеграмму. — Нужно Виктору дать радиограмму — пусть порадуетя.

— Решилась, значит, — пробормотал Сергей, надевая тапочки, чтобы выйти в коридор.

Девять утра, воскресенье, спешить было некуда. На кухне только несколько хозяек завтрак готовили на скорую руку.

— Еще бы не решиться! — съязвила ему вслед Женя. — Мои девочки на работе в очереди стоят, чтоб познакомиться с Витькой! А она две недели раздумывала над его приглашением. Тоже мне, краля каларашская!

— Мама, кто приезжает? — спросила, протирая глаза, Лорочка.

— Ты не знаешь, одна знакомая.

— А где она будет жить?

— У дяди Вити на даче, с Марьей Юрьевной, а мы туда приходим будем.

— А Марья Юрьевна знает?

— Нет пока что. Я забегу к ней, обрадую, что план ее осуществился.

После завтрака Женя побежала на почту дать радиограмму, а оттуда — к Марье Юрьевне.

* * *

На даче было хорошо, прохладно. Марья Юрьевна привела все в порядок, выстирала постели и покрывала, развесила занавески, что в сундуке лежали, вымыла полы и окна. Красота, уют!

— Ох, как у вас тут стало! — воскликнула Женя, заходя в дом. — А у меня руки не доходят прибраться тут. Если в воскресенье выбираемся, то только море и видим...

— Ну, ничего, скоро, даст бог, хозяйка появится, всем нам на радость. И прибраться будет кому, и приготовить, — уверенно сказала тетка.

— Да, вы как в воду смотрели, Марья Юрьевна...

— Что, неужто приезжает?

— Да, сегодня вечером.

— Ну, слава богу! Лед тронулся. Значит, сегодня с вокзала прямо на дачу. А Виктор скоро будет?

— В конце месяца. У него короткий рейс на сей раз. Он просил не оставлять Лялю одну.

— Ладно, понимаем, не маленькие, — отмахнулась тетка. — Ты тут передохни, а мне нужно еще на базар сбегать, продуктов закупить.

— Да нет, я назад, к своим. Только новостью поделиться приехала.

— Ну, как знаешь. В трамвае, стало быть, передохнешь.

* * *

К вечеру все стояли на перроне в ожидании поезда.

Поезд, как всегда, опаздывал, и на небе уже появились первые звездочки, когда измученные жарой и тряской пассажиры высыпали из вагонов.

Ляля вышла с небольшим чемоданом и сумкой, которые у нее тут же перехватил Сергей. Она выглядела немного осунувшейся и похудевшей, но это только придавало ее облику женственную мягкость.

Решение ехать в Одессу созрело у нее после того, как она тщетно прождала известий от своего суженого. Все вечера просиживала она, разглядывая подаренный ей портрет с надписью: «Милой девоньке от меня», словно пытаясь разгадать загадку его молчания. Неужели мать права? Неужели и впрямь забыл? Неужели встретил кого-то там у себя на съемках? Нет, нет, сердце говорило ей, что это не так, что связь между ними есть и что она сильна. В какой-то момент Ляля даже будто увидела его внутренним зрением — одного, в смягчении. Он думает о ней, тоскует, чем-то взволнован... Но почему же, почему не дает о себе знать? Ни телеграммы, ни вызова на переговорный пункт...

Она мысленно перебирала всевозможные варианты, думала, что бы предпринять, и неожиданно для себя остановилась на самом отчаянном — ехать в Одессу. Да, в Одессу! Там она его разыщет на киностудии, как бы ни было ей стыдно сделать этот шаг, как бы ни смотрели на нее его коллеги и как бы ни корила она себя за это после. Стыд отступал перед загадкой, перед муками ожидания.

— Мама, я поеду в Одессу, — сообщила она в пятницу вечером, когда семья собралась за обеденным столом.

Мать чуть не поперхнулась от неожиданности.

— Лялечка... — промолвила она, откашлявшись. — Ну, конечно же, детка, поезжай! Отдохнешь, сил наберешься...

Младшая сестра Тамарка только хмыкнула, накладывая себе гречки в глубокую тарелку.

— Сколько раз я тебе говорила не класть второе в глубокую тарелку! Для этого мелкая тарелка существует! — неожиданно озлобилась Надежда Константиновна.

Тамарка быстро переменяла тарелку, искоса поглядывая на мать. Никого та не лелеяла так, как Ляльку. Старшая сестра всегда была на особом положении — в центре внимания родительского и объект их ласки. Тамарка и брат Валька росли сами по себе, как бурьян в материнском огороде, а Лялечку культивировали, поливали заботой, к солнцу подсаживали. Она и выглядела как-то совершенно по-особому — не похожа ни на брата с сестрой, ни на родителей. Ходили слухи, будто она от другого отца, но Надежда Константиновна только посмеивалась над слухами. Пусть тешутся.

Лялечкино внезапное решение ехать в Одессу привело Надежду Константиновну в состояние крайнего возбуждения. Она засуетилась, стала собирать ей платья, блузки и скромные украшения. «Спасибо, спасибо, спасибо!» — говорила мысленно Надежда Константиновна, сама не зная кому.

В воскресенье утром Лялечка села в поезд и поехала в Одессу, в душе торжествуя, что обвела мать вокруг пальца.

Мать смотрела вслед уходящему поезду и, хоть не была верующей, на всякий случай незаметно перекрестилась. В душе у нее было примерно то же ликование, что и в душе ее драгоценной дочери.

Вот уже несколько месяцев, как Надежда Константиновна старательно перехватывала телеграммы от этого проклятого киношника и несколько раз бегала вместо Ля-

лечки на переговорный пункт, сообщая ему, что дочери нет и неизвестно, когда будет. Она все надеялась, что так он потеряет интерес и тихо исчезнет. Не тут-то было! Видно, и впрямь Лялька запала ему в душу. Телеграммы приходили чуть ли не через день, и Надежде Константиновне приходилось караулить почтальона или бежать самой на почту до работы, чтобы перехватить чертовы послания.

«Сколько же эти муки будут продолжаться? — думала она всякий раз, пряча подальше очередную телеграмму. — Так ведь и загнать в гроб человека немудрено!»

Мытарствам ее пришел конец совершенно неожиданно, и теперь она торжествовала. «Все будет хорошо, все будет хорошо, — думала она по дороге с вокзала. — Только бы Тамарка не проговорила. Ну ничего, я ей мозги вправлю, чтоб язык попридержала...»

* * *

В Одессе Ляleckа оказалась под неусыпным оком двух ретивых соглядатаев — тетки Марьи и Жени, которые ни на миг не отходили от нее. О том, чтобы отправиться на киностудию, можно было только мечтать. Но Ляля не теряла надежды. Она все ждала, когда Марья Юрьевна задремлет, разморенная жарой, или отправит ее в продовольственный прикупить что-то.

План «А» провалился сразу: Марья Юрьевна днем вообще не ложилась. План «Б» тоже приказал долго жить: в магазин ходили только вместе. Оставалось затеряться в толпе и совершить побег. Ляля криво усмехнулась, представив себе, какая поднимется паника среди родных. Потерялась девочка...

Несмотря на все препятствия, приезд в Одессу снял с нее то невероятное напряжение, от которого она не могла избавиться, будучи в Калараше. Прежде всего, отпала сама собой проблема ожидания. Здесь ей уже не нужно было дожидаться почтальона, чтобы потом проводить остаток дня в оцепенении, разглядывая портрет возлюбленного и по сто раз перечитывая дарственную надпись. Во-вторых, близость к киностудии успокаивала сама по себе, словно они находились по обе стороны улицы-реки, переплыть которую было в принципе возможно.

К ней сразу вернулся сон. Первые несколько дней она спала беспробудно, наверстывая все, что недоспала за последний месяц.

— Морской воздух делает свое дело, — заключила Марья Юрьевна, которая неустанно бдела будущую невестку. По вечерам, ее сменяла Женя, гуляя с Лялей по Дерибасовской с остановкой в магазинах и кондитерских.

Во время одной из таких прогулок, когда Ляля обдумывала очередной план побега, кто-то вдруг окликнул ее в толпе. Она только вышла из Пассажа, оставив Женю, которая расплачивалась за какую-то покупку.

— Ляля! Ты?

Она вздрогнула, узнав голос.

— Владик?

Да, перед ней стоял коллега ее суженого, с которым они вместе снимали новый фильм. Ляля познакомилась с Владиком на съемках студенческого фильма о Молдавии, где две по-разному красивые девушки — Ляля и ее сестра Тамара — тотчас же привлекли внимание молодых операторов, и те с вдохновением отсняли их в массовке на фоне цветущих деревьев. Поблекшее цветное фото — кадр из фильма — стояло на буфете в Калараше, напоминая о первом знакомстве с возлюбленным.

— Что ты тут делаешь? — Владик был явно поражен встречей. — Твой с ног сбился, нигде не может тебя найти! Что случилось?

— Ничего... Ничего не случилось. — Ляля попыталась улыбнуться.

- Мы сегодня снимаем, я ему скажу, что видел тебя. Что ему передать?
- Привет. Да... У меня все в порядке...
- Хорошо, передам. Прости, мне нужно бежать. Скоро начало. Так ты будешь на киностудии? Давай, приходи! Он ждет. Пока!
- Пока...

Владик быстро исчез в толпе, а Ляля продолжала стоять, не меняя позы, ничего больше не слыша и не видя вокруг себя. Владик, наверное, догадался, что она приехала разыскивать своего несостоявшегося жениха, и теперь бежит его предупредить. Предупредить... А о чем, собственно, предупреждать? Если он с кем-то другим, то она ни за что, ни за что не появится на киностудии! Владик — известный ловелас — явно хочет дружка покрыть, дать ему время. А ей не нужно ничего. Она вообще не к нему приехала.

Только теперь, встретившись лицом к лицу с другом своего суженого, осознала она, насколько наивным был ее план, насколько оторванным от жизни и унижительным. Она ведь не может, не может и не должна выступать в подобном качестве. Разыскивать жениха — это не ее роль. Боже мой, почему же она раньше этого не поняла! Стыд, какой стыд... Она оглянулась — шумная улица, поток говорливых пестрых людей. Как она здесь очутилась? Для чего? Бежать, бежать, немедленно бежать домой! Ноги ее здесь больше не будут!

— Прости, задержалась, мелочь отсчитывала, — послышался рядом с ней голос Жени.

Ляля посмотрела на нее невидящим взглядом.

- Завтра уеду домой.
- Так скоро? Даже Виктора не дождешься?
- Мне домой пора.
- Ну, пора так пора. Завтра посадим на поезд.

Они дождались трамвая и вскоре были дома.

Ляля легла ничком на кровать и пролежала так до самого утра. Утром молча побросала вещи в чемодан, отхлебнула чаю, отказавшись от завтрака, и отправилась на вокзал в сопровождении Марьи Юрьевны, которая оставалась в Одессе до приезда Виктора.

- Спасибо вам, — выдавила из себя Ляля на прощание. — И Жене тоже передайте.
- Передам. Только могла бы и побыть еще пару дней. Куда спешить? Ну, да ладно. Привет родителям и Люсе с Эриком. Скоро увидимся!

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Возвращение в порт было триумфальным. Теперь Виктор почти не сомневался, каков будет ответ его отрады, живущей в каларашском терему.

Дома его ждал самый радушный прием. Все были возбуждены предстоящим сватовством и возможной женитьбой. На следующий день после его приезда семья собралась на обед, как в старые добрые времена. Стол был накрыт, по обыкновению, пышно, поднимали тост за то да се, но конкретно ничего не обсуждалось. Боялись сглазить — больно уж гладко все складывалось.

После обеда Виктор вышел на кухню покурить. Появилась Женья с тарелками в руках.

- Ну, как ей здесь было? — спросил он сестру, пока та складывала посуду в раковину.
- Я, честно говоря, надеялась, что она тебя дождется, но она вдруг сорвалась ни с того ни с сего. Что-то тут не так... Чует мое сердце!
- Понятное дело... Это даже лучше, что уехала. Ей нужно с мыслями собраться, да и мне тоже хорошо бы кое-что обдумать.
- Например? Уж не передумал ли ты жениться, братик?

— Ой, да что ты! Передумал! Тоже скажешь... Я там каждую минуту считал до прибытия...

— О чем же тогда думать собираешься?

— Я решил дачу продать, Женечка.

— Да что ты! Как же можно? А где ж мы лето проводить будем?

— Лето будем проводить, как все. До моря с любого конца города добраться можно, не велика беда. А вот у тебя Лорочка подрастает. Сколько же ей за шкафом спать?

— Что же ты предлагаешь?

— Продам дачу, и обменяем наши две хибары на хорошие квартиры, чтоб и вам было где жить, и у нас было место для всех будущих членов семейства. Ну как, согласна?

— Витюша! Золотце ты мое! Как же не согласна? Вот братик у меня!

Она звонко расцеловала его в обе щеки и побежала в комнату делиться новостями с мужем. Через несколько минут на кухню выбежал Сергей и взволнованно стал трясти Виктора за плечи.

— Ну, брат!.. — восклицал он, качая головой. — Нам бы вовек не улучшить наших жилищных условий... Ну, брат!..

— Да что там... Одна семья ведь... Ну, раз предложение мое принято, то завтра же нужно начинать поиск. Пока я из Калараша вернусь, многое уже можно будет проверить.

* * *

На закате следующего дня он прибыл в Калараш.

Ляля стояла, прислонившись к стене родительского дома, и смотрела на простиравшиеся вдаль холмы. О, если б стать свободной от всего, от себя и взлететь над холмами, чтобы парить с птицами в этой синеве... И ни о чем не думать, ничего не помнить, ничего не чувствовать...

Лязгнул железный засов в калитке.

Может, не открывать? Может, стоять вот так, пока не начнется зима и не скует льдом этот сад? А душа давно уже обледенела...

Лязг повторился.

— Иду, иду! — послышался голос матери.

Звук отпирающейся калитки, голоса приветствия, шаги по гравию.

Все.

— Лялечка! К тебе пришли! Ты где?

Она закрыла глаза и — в омут.

Он стоял перед ней в своей капитанской форме, смущенно улыбаясь.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Ну вот, приехал...

— Вижу.

Оба повернули голову в сторону матери, которая по-прежнему стояла между ними как связующее звено.

— Может, пройдемся? — несмело спросил Виктор.

Ляля молча прошла вперед, открыла калитку и вышла. Он последовал за ней, как утренняя тень. Они дошли до первой скамейки.

— Присядем, — предложил Виктор.

Ляля присела. Он присел рядом и начал машинально чертить что-то носком туфли по пыльной земле, пока вдруг не спохватился и не одернул себя.

— Ляля, сегодня ровно месяц, как мы виделись, — промолвил он. — Вы подумали над моим предложением?

Она упрямо наклонила голову, словно упираясь лбом в воздух, и плотно сжала губы, как на допросе. Он бережно взял ее руку, которой она вцепилась в сиденье скамейки, и погладил ее.

— Ляленька, выходи за меня... Будь моей женой...

Она набрала воздуха в легкие и, словно выдыхая все свое прошлое, произнесла:

— Хорошо.

* * *

Свадьбу сыграли ровно через неделю. Торопились все: он, мать, Женя с Марьей Юрьевной... Ляля же безразлично следила за всем, машинально примеряя платье, отвечая на вопросы. Неожиданное спокойствие снова овладело ею, как там, в Одессе, только теперь оно было другим. Она вдруг полностью отстранилась от собственной жизни, настоящей и будущей, а прошлого у нее уже не было — она его выдохнула тогда на скамейке. Все, что происходило вокруг, больше не касалось ее. Она обрела неожиданную свободу, и главное достоинство этой свободы было в том, что она освободилась от чувств. Теперь она была уже не причастна ни к чему, что бы с ней ни делали.

— Ну, вот и хорошо, — повторяла мать, поправляя складки на свадебном платье. — Сидит как влитое! Посмотри. — Она подвела дочь к зеркалу. Оттуда на Лялю глянула незнакомая женщина в чужой одежде. — Правда, хорошо?

— Да, хорошо, — бесстрастно ответила Ляля.

* * *

После загса гости направились к Надежде Константиновне. В саду были накрыты три деревянных стола с приставными скамейками. Произносили тосты, постоянно кричали «горько!». Ляля поднималась, и садилась, и снова поднималась. Это длилось бесконечно, как производственная гимнастика. Потом их наконец оставили вдвоем.

И был вечер, и было утро.

День второй начался стуком в калитку.

— Вам телеграмма, распишитесь, — заученно сказал почтальон, когда Ляля вышла к нему в халатике. Мать с утра побежала на базар принести свеженькой брынзы к завтраку и заодно прикупить молдавских лакомств, чтобы побаловать молодых.

Почтальон протянул уведомление, равнодушно глядя поверх ее головы. Она машинально расписалась, без интереса взяв у него телеграмму. Должно быть, кто-то из родни прислал поздравление с бракосочетанием... Закрыв за почтальоном калитку, она повернула в дом, на ходу взглянув на содержание. «Работу фильмом закончил. Люблю. Приезжаю. Женимся. Твой...»

В первую секунду она вообще ничего не поняла. Какие-то слова без предлогов и связи. И вдруг сердце дико подпрыгнуло, осознав смысл написанного раньше, чем ум, и она тихо сползла вниз, на гравий, осев, как оседает подтаявший снежный сугроб. Больше она ничего не помнила.

В СЕМЕЙНЫХ ВОДАХ

Эх, Капитан Капитаныч! Вел ты свой корабль без погрешностей — ни единой аварии, ни единого происшествия, а вот зашел в семейные воды, и дало твое судно крен. В который раз...

Медовый месяц привнес больше горечи, чем меда в их начинающуюся жизнь. Ляля словно за перегородкой жила. Понятное дело — все новое, незнакомое... Ничего, постепенно войдет в курс, привыкнет, думал Виктор...

Но она бледнела, все чаще делалась раздражительной, а тут еще и простуда прибавилась, осложнившись бронхитом. Ляля стала плохо спать, вставала уставшей, плохо ела. Море и пляж немного взбадривали ее, хоть солнца она не любила: оно быстро утомляло ее. И тем не менее при виде людей она оживлялась, становилась общительней. Ей явно импонировали взгляды проходящих мимо мужчин. Виктора это несколько задевало, но он старался не показывать виду, заговаривая с ней и всячески оказывая ей знаки внимания.

Жили они то в его старой квартире, то на даче, пока обмен еще не состоялся.

С появлением Ляли Муся демонстративно отказалась мыть лестницу.

— Как вы себе хотите, мама, а мне ця краля зовсим нэ нравыця, — говаривала она свекрови, отжимая тряпку.

— Вона тебе не сподобається тому, що вона Вихтору сподобається, — хмыкала злорадно Циля.

— Та не говорите уже глупостей, мама! Она и Яцику не нравится. Яцик, скажи своей маме, шо ты думаешь.

— Оставь Яцика в покое хоть на одну ночь.

— Мама, вы скоро будете уже бабушкой, а у вас все еще никакого стыда!

— Я не поняла — это таки новость или намек на мой возраст?

— Это таки новость.

— Яцик, Яцик! Иди сюда скорей, я тебе новость расскажу! — воскликнула Циля, всплескивая руками.

Вечером счастливое семейство устроило пирушку для всех соседей. Отсутствовали только Ляля с Виктором, поскольку они решили остаться на даче. Перемена места тоже вносила некоторую разрядку в их отношения. Ляля с удовольствием и вкусно готовила, а на даче это было особенно романтично.

День выдался хорошим. Они шли к трамвайной остановке по шумным одесским улицам. Народу было полно — бархатный сезон, солнце не жгло, а лишь мягко освещало загорелые лица одесситов. Виктор держал ее под руку, а она старательно обходила рытвины на невысоких тонких каблучках. Возле газетного киоска выстроилась очередь за свежей газетой.

— А с очерком Виктора Борга остались экземпляры? — громко поинтересовался кто-то.

— Пока есть, но вам может не хватить, лучше в соседний киоск подойдите, — посоветовали ему из очереди.

— Да в соседнем такая же очередь и тоже немного экземпляров осталось, — с досадой сказал подошедший, раздумывая, стать ли в очередь или попытать счастья в другом киоске.

Виктор украдкой бросил взгляд на жену — услышала или нет? Ляля шла, напряженно глядя перед собой, ни на что не реагируя. А может, и впрямь не услышала?

— Это за моим очерком стоят, — негромко сказал Виктор, чуть касаясь губами мочки ее уха.

— Да, — кивнула она с той же напряженной сосредоточенностью.

Значит, слышала. Неловкая ситуация, будто он бахвалился перед ней...

Всю оставшуюся дорогу они шли молча, но Ляля, похоже, и не замечала молчания, как, впрочем, не слышала и разговоров.

В трамвай пришлось втиснуться и полчаса трястись в обстановке, освобождающей от покупки билетов.

— Передавайте на билетики! — зычно требовала кондуктор.
— Чем передавать, мамаша? В карман не влезешь, а влезешь, так не вылезешь, — ответил, наваливаясь спиной да дверь, пассажир.
— Ты, главное, смотри в чужой не влезь! — откликнулись с другого конца.
— Или еще куда не влезь вместо кармана! — загоготали в середине вагона.
Наконец выбрались на своей остановке. Ляля отряхнула примявшееся платье. Ветер с моря подправил складки, раздувая ткань под стянутой поясом талией.
— Ахтриса! — присвистнул какой-то паренек, торгующий цветами на пяточке у скамьи на пляж.
— Топай, топай, шпана! — не выдержал уже Виктор.
— Я — че? Я ниче... Вот цветочки тетеньке своей купите...
— Ну давай свои цветочки, — смягчился Виктор, взяв охапку свежих полевых цветов.
— Спасибо, дяденька! А у мамки моей бички в ведерке. Только шо плавали. Вон еще бьются. Нэ хочэтэ?

Виктор вопросительно взглянул на Лялю. Она поморщилась. Рыбу она не выносила — ни запаха ее, ни вкуса.

— Та нэ хочэ вин, сынку, нэ хочэ. Чи не бачишь? — откликнулась мамка. — За цветочки дякую. Ище прынэсу с садочку свого, як ци зав'януть.

— Ну прям-таки с садочку! — ядовито сказала торговка розами, стоявшая неподалеку. — На поле небось шпаненок твой нарвал. Сорную траву продают! Ты б лучше настоящие цветы купил для своей жинки, а не цей веник!

— Який це веник? — возмутилась торговка бичками. — Це самые шо нэ на е настоящие квиты! А твои уси фарбованы та на прыколках. Тильки до дому дойдэте, усэ осыплется.

— Ах ты ж! — завопила торговка розами, — бросившись к ведру с полевыми цветами. Но мальчишка ловко подхватил его в тот самый момент, как она почти коснулась ручки. Потеряв равновесие, она растянулась на траве.

Взрыв хохота собравшейся уже публики завершил эту сцену.

Виктор с Лялей незаметно ретировались.

До дачи было пять минут. Шли по тенистой дорожке до самых ворот.

У дома Виктор открыл почтовый ящик, а там — аж два письма от заведующего отделом информации газеты «Молодежь Украины» и от редактора газеты «Советский флот» по иностранному отделу Юрзанова. Виктор зачитывал эти послания вслух, пока Ляля быстро готовила ужин:

Итак, в период 17–30 августа вышло шесть Ваших очерков. Последний, седьмой, будет опубликован числа 6–7. В коллективе, да и читатели очень довольны этим материалом. Не стоит бросать это дело: у Вас бойкое перо, мы не очень правили воспоминания. Приятно было их править.

Ваши два материала «По Суэцкому каналу» и «В Сингапуре» опубликованы. Пышалаем Вам номер «Советского флота» с Вашими путевыми заметками о пребывании в Сингапуре. Надеемся, что сотрудиничество, которое установилось между нами, на этом не прекратится. Мы бы хотели иметь «путевые заметки советского моряка» о посещении Гонконга, портов стран Среднего и Ближнего Востока, США и Англии.

Перо его завораживало. И дело было не только и не столько в описаниях чужеземных стран и в экзотике, сколько в живом, искреннем повествовании, затрагивавшем внутренние струнки. Пресытившийся агитками и казенными фразами читатель буквально набрасывался на материалы молодого журналиста, спокойно и просто, без лож-

ной патетики повествовавшего о самом сокровенном. Стояли в очереди не за сюжетом, а за глотком того, о чем каждый мечтал еще так недавно в землянке и в море.

...Что же это такое — родина? Место, где родился? Люди, с которыми живешь? Язык, на котором пела колыбельные мать? Или все это вместе взятое, и прошлое предков твоих, и будущее потомков?..

...У горизонта штурман едва различает в бинокль знакомую с детства неяркую Полярную звезду. Мы в Северном полушарии, и до дома рукой подать. И вдруг непонятное: весь этот долгий рейс считали дни, когда вновь увидим родные берега, очень ждали этой волнующей минуты, а сейчас, когда почти осязаема радость встречи, рождается какое-то смутное чувство неудовлетворенности. Жаль, что рейс кончается, что больше не станут будить тебя в привычное время на вахту, что у каждого появятся другие интересы, кроме общих. И думаешь: а может быть, то, что уже уходит в прошлое со всеми трудностями, с полной мобилизацией физических и духовных сил, и есть настоящая полная жизнь?

Но почему тогда бесконечно долгими кажутся последние дни?..

Этот очерк под названием «К теплому северу» был одним из самых популярных, и его неоднократно перепечатывали. Как и многие его очерки, он заканчивался вопросом. Виктор предпочитал такую концовку, избегая прямых ответов и заставляя каждого ответить по-своему. И это имело особое, долгосрочное воздействие.

Вскоре ужин был готов.

— Можешь расстелить скатерть, — сказала Ляля, заглянув из кухни.

Ужин получился на славу, как всегда, и Виктор не мог нахвалиться кулинарными способностями жены.

Вечером, в постели, они слушали, как плещется море, а Ляля о чем-то думала. Виктор боялся прервать ее мысли и ждал, пока она уснет. Но она не засыпала, и он наконец спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Она помедлила и потом сказала в потолок:

— Мне кажется, у нас будет ребенок.

Виктор подскочил с кровати.

— Кажется или точно? — голос его дрогнул.

— Похоже, точно.

Он стал целовать ее руки, бормоча о том, что позаботится о новой квартире, что ребенку будет где жить... Но она не дослушала его и повернулась на другой бок.

— Я устала. Давай оставим эти разговоры до утра.

— Да, да, конечно...

* * *

Гинеколог определил примерно две недели беременности.

— Как две? Только две? — спросила Ляля, слезая с кресла.

— А почему вас это удивляет? — ответила вопросом на вопрос Галина Анатольевна, главврач одного из лучших гинекологических отделений города, близкая знакомая и клиентка Жени.

— Да так... Слабость чувствовать начала гораздо раньше, — смущенно кашлянув, сказала Ляля.

— Да? А вы, случаем, не простужались?

— Простужалась... Еще остаточные явления до сих пор.

— Да, я обратила внимание на ваше покашливание. Значит так, сейчас я позвоню в тубдиспансер нашему лучшему специалисту, чтоб немедленно приняла вас. Нужно отмести все подозрения.

— Зачем в туб... Вы что, думаете, я...

— Я ничего не думаю. Вот Полина Львовна посмотрит вас, и тогда подумаем вместе. А пока — бегом к ней.

Галина Анатольевна написала адрес на листке бумаги и имя врача и принялась звонить по телефону.

— Поля, ты? У меня тут одна знакомая, Женина невестка. Хочу, чтоб ты глянула на нее. Да, сегодня. Хорошо, они уже едут. — Галина Анатольевна положила трубку и жестом показала, чтоб Ляля поторопилась. — Скоренько, скоренько давай! Полина Львовна ждет.

Ляля вышла из кабинета ошарашенная. Виктор ждал ее в коридоре.

— Что? — спросил он, вскакивая со стула.

Ляля обвела его отрешенным взглядом, губы ее дрожали.

— Что? С ребенком что-то не так? Ляленька, Ляля, ну успокойся, скажи мне, что случилось?

Открылась дверь из кабинета, и оттуда выглянула Галина Анатольевна.

— Ляля! Вы еще здесь? Я же сказала, вас ждет Полина Львовна! Вы — муж? Берите ее и мчитесь в тубдиспансер!

У Виктора задрожали руки.

— Да-да... Хорошо... Сейчас, бежим.

Он схватил Лялю, и они помчались на улицу ловить такси.

* * *

Через десять минут они уже стояли в приемной у Полины Львовны, доброй знакомой Жени, не раз бывавшей у нее в гостях.

— Заходите, — пригласила их в кабинет медсестра. — Полина Львовна сейчас будет.

Они вошли. Ляля села на стул в полном изнеможении. Виктор стал возле нее.

Наконец появилась Полина Львовна.

— Витюша, привет, дорогой! — поприветствовала она Виктора, чуть картавя и широко улыбаясь. Копна рыжих волос засияла на солнце, когда она водрузилась в свое кресло напротив окна. — Ну, давайте знакомиться, миленькая, — обратилась она с той же улыбкой к Ляле. — Я о вас слышана. Вы к нам из Молдавии пожаловали, так ведь?

— Так, так, — быстро подтвердил Виктор, все еще стоя подле Ляли.

— Витюш, ты садись, не стой, — сказала Полина Львовна. — Мы сейчас твою красавицу прослушаем, сделаем снимочек, если понадобится, и все будет в полном ажуре.

— Правда? — наконец произнесла Ляля.

— Ну конечно, правда! А для чего же мы существуем? Все будет хорошо, миленькая. Лечение у нас разработанное, стационар прекрасный, вылечим так, что и не вспомните больше об этом.

— Правда? — снова повторила Ляля.

Тем временем Полина Львовна взяла стетоскоп и подошла к больной.

— Поднимитесь, пожалуйста, миленькая, и расстегните блузочку. Вот так. А теперь дышите.

Внимательно прослушав и простукав Лялю, Полина Львовна спрятала стетоскоп и вызвала медсестру.

— Валюша, проводите больную на рентген к Борису Анатольевичу.

Ляля застегнула блузку и растерянно оглянулась на Виктора, пока медсестра уводила ее из кабинета.

— Я тут, никуда не уйду, — заверил он ее.

— Вот что, Витюша, — сказала Полина Львовна, когда дверь за Лялей закрылась. — Сделай-ка пирке в соседней комнате и жди Лялю.

— Это что, серьезно туберкулез?

Полина Львовна пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

— Но откуда?

— Все может быть. Сейчас многие болеют. И молодые совсем, и пожилые. Переутомление, стресс, ослабленная иммунная система, ну и другие факторы. Нужно хорошее питание и забота. Вылечим. Это ж моя специальность, Витенька. Вот ты — капитан, знаешь, как кораблем управлять. А я — врач, знаю, как людей лечить. Главное, не думай, что с Лялей произошло что-то исключительное.

— А разве не так?

— Да не так, конечно! Говорю же тебе, таких исключительных полный стационар. Если что — у нее самое начало, случай незапущенный, и к тому же молодость ее козырь.

— Как скажете, вам, конечно, виднее, Полина Львовна... только для нас это все равно исключительный случай...

— Понимаю, все понимаю... Да, а почему Ляля у Галины Анатольевны была?

— В этом все и дело...

— Что? Ох! Балда я, балда! А сколько недель?

— Две всего...

— Витюш, иди сюда, сядь со мной. — Полина Львовна взяла его за руку и усадила на кушетку рядом с собой. — Послушай, лечение сложное, плод не сохранится. Нужно абортировать Лялю.

— Как? Нет...

— Да. Иначе это осложнит ее состояние. Аборт тоже не радость, но учитывая небольшой срок, все нормализуется очень быстро. Я уверена, что Галя уже все подготовила, чтобы завтра же принять твою жену. А потом Ляля будет в стационаре до полного выздоровления.

— Это сколько же времени до полного?

— Полгода. И плюс еще время на восстановление в домашних условиях. Да ты не беспокойся. Если она быстро пойдет на поправку, мы ее через три месяца отпустим под мое наблюдение.

— А раньше?

— Никак.

КОММУНАЛКА

Молодость взяла свое. Ляля быстро пошла на поправку, а вскоре и вовсе выписалась из стационара, став на учет. А тут и обмен подоспел. Виктору удалось-таки выменять дачу и обе квартирки на одну двухкомнатную для себя и одну огромную однокомнатную с балконом для Жени с расчетом, что она сумеет со временем сделать из нее двухкомнатную. Главное — обе в малокоммуналках и в хороших районах.

— Ну, шо, Виктор, покидаете вже наш корабель, — с грустью говорила Циля, качая люльку и наблюдая, как Ящик с Виктором выносят вещи.

— Не начинай разговоры, мама, — пытался приструнить ее Ящик, — вчера уже все выпили и закусили. Мы тоже скоро съедем. Мне в порту новую квартиру обещали.

— А шо ты с этой делать будешь? Дуське с подвала отдашь? Только через мой труп! Я тут вже досижу свой срок.

— Да как же, дожدهшься такого счастья! — огрызнулась невестка, спускаясь вниз с настольной лампой.

— А ты побереги нервы для потомства, — порекомендовала ей Циля, суюкая младенца.

— Ох, хоть бы не в вас. А то у меня вже никаких нервов не хватает.

* * *

С соседями по новой квартире Виктору повезло. Их было трое — Исай Семенович с женой Эмилией Ефимовной и ее сестра, тезка Виктора.

Виктория Ефимовна — маленькая, но весьма энергичная рыжеволосая женщина средних лет со следами базедовой болезни на лице — боготворила Виктора, как боготворит зритель своего кумира на сцене. Каждое его появление сопровождалось бурными аплодисментами ее восхищенного сердца, и выпуклые изумрудные глаза ее подергивались сентиментальной дымкой.

В прошлом завхоз одного из санаториев, она знала многих в городе, и ее тоже знали и любили за веселый нрав и добрые дела. Виктория Ефимовна обожала одесскую оперетту. Она не пропускала ни «Сильву», ни «Летучую мышь», ни «Принцессу цирка»... Но ничто не могло привести ее в столь затяжной романтический восторг, как «Белая акация». Неподражаемый Михаил Водяной в роли Яшки, молодые моряки в отутюженных белоснежных формах, музыка Дунаевского... Ах, в какие только дали не уносило трепетное сердце Виктории Ефимовны!

Что греха таить, появление молодого капитана на пороге их самостоятельной до тех пор квартиры произвело на нее неизгладимое впечатление. Ни она, ни тем более ее сестра Миля с мужем не могли предположить, что неприятные вести об уплотнении, принесенные управдомом, вдруг обернутся для всех таким подарком судьбы.

Соседи были добросердечными людьми и в тяжелое время даже приютили на чердаке мать с дочерью, которым некуда было деться, поскольку отца их семейства сослали в лагеря. В квартиру женщин вселить нельзя было, и они неофициально ютились в чердачной комнатке с керосинкой на окне, пока родственники не забрали их к себе в какое-то село.

После их отъезда в дверь постучал управдом и сообщил, что жильцам следует потесниться: квартира слишком велика для одной семьи.

— Голубчик, Иван Федорович, я же не член семьи! — попыталась возразить Виктория Ефимовна.

Но ее заявление не возымело должного впечатления на управдома.

— У вас и так две комнаты — комната на вас и комната на сестру с мужем, — отрезал он. — Две другие комнаты предназначены для новых жильцов.

Несколько дней прошло почти в трауре. Виктория собиралась было использовать свои связи в городе, чтобы отбиться, но тут на пороге появился Виктор.

Обе женщины расцвели в буквальном смысле слова, а Исай так просто воспрянул духом — в своем женском королевстве он и мечтать не смел о таком интереснейшем собеседнике за накрытым в пятницу вечером столом.

Решено было две маленькие комнатки с балконом оставить себе, а две большие отдать новым соседям. Предложение было принято единогласно на семейном совете, а когда Виктору объявили о решении, Исай добавил: «А балконом вы всегда можете пользоваться. Приходите, отдыхайте здесь в тенечке, сколько душе угодно».

И впрямь, балкон был замечательный, весь заросший диким виноградом. Там стояли кушетка для отдыха и стол с двумя стульями, и когда бы Виктор ни появлялся, ему всегда было уготовано местечко поуютней.

* * *

Через полгода после выздоровления Ляля вновь забеременела, и радости Виктора не было конца. Но тут вмешалась теща.

— Ляля еще слаба, — сказала она, приехав якобы погостить. — Ей нужно окрепнуть, беременность — дело нешуточное.

У Виктора екнуло сердце.

— Что вы, собственно, имеете в виду?

— Только то, что сказала. Твоей жене нужен еще годик, чтобы прийти в себя. Это я тебе как медработник говорю.

— Ну и?.. — Виктор почувствовал, что начинает вскипать.

— Мама, ну, ладно, все, закончили этот разговор, — зло и обреченно отрезала Ляля, которая до того момента молча следила за ними.

На следующий день мать уехала, поджав губы, что означало: зять — эгоист и вовсе не думает о ее дочери.

Со временем обиды утихли, беременность протекала нормально, Ляля заметно похорошела. Надежда Константиновна временно исчезла с горизонта, только вызывала дочь на переговоры, но когда дело стало близиться к развязке, она принялась настаивать на том, чтобы Ляля ехала рожать к ней в Калараш. Виктор почуял недоброе, но поделаться ничего не мог. Запрещать дочери быть под надзором матери и к тому же профессиональной акушерки было бы крайне жестоко и, кроме скандала, ни к чему бы не привело.

Он ходил мрачнее тучи. Билет был куплен заранее, по настоянию Ляли. В течение нескольких дней Ляля собирала вещи из расчета на то, что останется, по крайней мере, на месяц у матери после родов. Все это усугубляло подавленное настроение Виктора, поскольку не видеть новорожденного месяц представлялось ему настоящей пыткой. Как он будет возвращаться в пустой дом после дежурства, не пожелав никому доброй ночи и не полюбившись младенцем? Каждый день жизни приносит изменения, а новорожденные меняются молниеносно. Он навсегда будет лишен памяти об этих первых днях жизни своего ребенка... К этому присовокупились быстрые и острые уколы памяти о Сашеньке, о котором он ничего не знал, и он гнал их от себя, а они все равно успевали ранить и саднили по ночам.

Вмешался сам Господь Бог. Накануне отъезда в Калараш у Ляли стали отходить воды. Она с ужасом смотрела, как река жизни готовилась выплеснуть в мир их дитя, но быстро приехавшая «скорая» увезла ее, и вот уже через несколько часов они стали родителями стопроцентной одесситки Любаша. На имени дочери они согласились моментально. Наверное, потому что оно воплощало их идеал, их несбыточную мечту...

Обожание, которым соседи окружили семью Виктора, перекинулось и на Любашу.

— Копия Виктор! — воскликнула Виктория, заглянув в сверток, прибывший из роддома. А Миля Ефимовна, внимательно рассмотрев новорожденную, сообщила всем, что ребенок — вундеркинд.

Любаша моментально стала им родной. Их собственный внук уже вырос и заканчивал институт, а они все еще ностальгировали по молодости, по маленьким детям и с радостью брали Любашу к себе, балуя ребенка домашним вареньем из вишни и абрикоса и читая ей книжки.

Когда Любаша немного подросла, Виктория Ефимовна стала брать ее с собой в оперетту и всякий раз не могла нахвалиться своей питомицей, восхищаясь тем, как тихо и сосредоточенно та сидела от начала и до конца представления.

— Хороший ребенок в доме — это все! — восклицала тетя Витя, когда они выходили из театра. Это было ее любимой поговоркой, за которой всегда следовала фраза: — Пойдем, я куплю тебе мороженое.

Любаша получала мороженое и, мурлыча себе под нос запомнившуюся арию, наслаждалась пломбиром в стаканчике до самого дома.

ПАРТОРГ И ЦЫГАНКА

Как-то после дежурства, когда Виктор уже направлялся домой, на проходной раздался звонок.

— Да, он здесь, нет, еще не ушел, — сказал вахтер, останавливая жестом Виктора. — Это вас, — сообщил он, положив трубку. — Начальство просит зайти в кабинет к заму.

Виктор всполошился.

— А в чем дело? Не говорили?

— Нет, только попросили зайти...

Виктор повернул назад и через несколько минут был уже в кабинете. Там сидели зам, работник профсоюза, председатель месткома и парторг.

— Здорово, Виктор! — поприветствовал его зам., пожимая руку. — Проходи, садись. Устал небось с дежурства?

— Да есть немного...

— Ну, сейчас отпустим. Я быстро. Дело вот какое. Требуется очерк о советских моряках... герой чтобы положительный был... собирательный образ, лицо советского флота... Ну, сам понимаешь...

Виктор понимал и от таких заказов всегда старался откеститься. Удастся ли на сей раз?

— Егор Семеныч, ну вы же знаете... Я такое не пишу, — взмолился он.

— Какое «такое»? — подал голос парторг.

— Да тема у меня другая. Я пишу о том, что повидал, о других странах, о людях, живущих там.

— Нужно ли понимать, что положительный образ советского моряка вам не встречался? — прищурившись, допытывался парторг.

— Да я не то хотел сказать, ну что вы, в самом деле, к словам придираетесь.

— А что вы хотели сказать? Уточните, — вступил месткомовец.

— Не знаю я, как писать положительного героя.

— Это почему же?

— А потому что иди знай, что там положительное, а что отрицательное. У Толстого вот все герои и такие, и сякие.

— Да бросьте вы! Тоже мне Толстой выискался. Не усложняйте, — откликнулся профсоюзный деятель. — Кстати, у вас нарекания были?

— Да не было у меня никаких нареканий!

— Ему даже грамоту не раз вручали за ударный труд, — вступился зам.

— Вот и напишите положительного героя с себя! — предложил профсоюзный работник. Зам дал понять взглядом, что препираться не стоит.

— Иди, Виктор, отдохни и подумай над предложением, — сказал он.

Виктор молча направился к выходу.

— А почему вы не вступаете в партию? — послышалось у него за спиной.

Виктор обернулся и слету ответил:

— А не достоин я пока что.

— Вот как... — опешил парторг. — Самокритика — это хорошо... Самокритика — это приветствуется...

* * *

Поздно вечером, когда все уснули, Виктор сел за письменный стол и попытался что-то набросать. Не хотелось ему подводить зама, но и кривить душой тоже не хотелось. Просидел полчаса без толку, перо не слушалось, да и мысли всякие в голову лезли. Вспомнил совет профсоюзного деятеля и усмехнулся. И какого же, интересно, положительного героя он мог бы с себя написать? Один семейный корабль потопил, и второй уже дал крен... Вот тебе и отменный капитан, вот тебе и старший лоцман.

Да, на море решения принимать куда проще. А все почему? Может, потому что с морем другие отношения. Море — как Бог. Грозное, иногда беспощадное, иногда вознаграждающее и всегда требующее соблюдения морских законов. С ним нельзя строить отношения на авось, и законами его пренебрегать нельзя. А тут... С Таней сошелся без любви, именно сошелся, какое мерзкое слово, и ни во что другое оно не переросло. Сошелся и разошелся. С Лялей мог бы предугадать последствия брака с односторонней привязанностью. Ведь сам же пережил этот опыт совместной нежизни! А теперь в роли Тани он, а на его месте Ляля... Ирония судьбы. Нет, неча на судьбу пенять, коли решение кривое. Именно так! Самонадеянность и погубила, как в первый раз, так и во второй. В море такая самонадеянность крахом корабля заканчивается. Но в море-то он был на высоте, ни одной аварии за все время работы. А в семье... Ох, кто бы обучил его правилам береговой жизни! Да и существуют ли они?

Виктор взглянул на спящую дочь. Все, пора в постель! Действительно, завтра в полдень на дежурство, нужно выспаться.

Он потушил свет и пошел в большую комнату, где Ляля спала, повернувшись лицом к стене. Он тихо лег рядом, все еще слушая предрассветную тишину двора, пока сон наконец не поймал его в свои сети.

На заре ему приснилась бабушка. Она сидела на табурете возле развалившегося дома и смотрела вдаль.

— Бабушка, куда ты смотришь? — спросил он, как в детстве. Но она продолжала смотреть, не говоря ни слова.

Он повернул голову в ту сторону, куда она глядела, и увидел море. Оно струилось с неба, как замедленный водопад, внутри которого плясал крохотный солнечный зайчик. Зайчик рос, увеличивался, обретая очертания детской фигурки. Он различил бегущую девочку, которая стремительно двигалась навстречу ему, радостно размахивая ручонками. «Наверное, это Любаша», — решил он, но тут же вспомнил, что он еще маленький, и у него не может быть дочери. Сон множился во времени, девочка продолжала бежать, и в какую-то минуту он почувствовал, что если не узнает, то навсегда потеряет. А она все бежала и бежала — то ли по воздуху, то ли по волнам.

Он проснулся без одной минуты семь и едва успел хлопнуть по металлической шапке уже подрагивающего от возбуждения будильника. Ляля была в отпуске, могла поспать подольше, да и у него было еще несколько часов до дежурства. Утренние блики на потолке обещали солнечный день. Он тихо поднялся с постели и пошел на кухню бриться.

Вода в кране была прохладной, мерцающей, как во сне. Виктор закончил бриться и еще раз взглянул в зеркало. Блик вспыхнул на его поверхности и окончательно исчез.

Проснулась Любаша. Они с Виктором были жаворонками, а Ляля любила работать по ночам и подольше поспать. Заслышав дочь, она тоже вскочила и отправилась на кухню готовить всем завтрак.

После завтрака Ляля села за швейную машинку прострочить платье Любаше, а Виктор еще немного поиграл с дочерью, затем взглянул на часы и начал собираться.

— Папа, а ты куда? — Любаша вопросительно взглянула на него, откладывая куклу в сторону.

— На дежурство.

— Возьми меня с собой! — она проворно вскочила со своего детского стульчика.

Он только рассмеялся и погладил ее по голове. Любаша приняла это за согласие.

— Значит, возьмешь? Ура! Ты на парходике работаешь, а я люблю на парходике кататься! — Она бросилась одеваться.

Виктор остановил ее.

— Покатаемся, только не сейчас.

— А когда?

— Скоро. Я возьму всем нам билеты на красивый парход, и мы поедем в путешествие по морю, — он взглянул на Лялю, которая строчила на «Зингере».

— По всему? И по другим морям тоже?

— Нет, только по нашему, Черному.

— Твои моря как карандашики.

— Почему как карандашики?

— Черные, белые, красные...

— А-а! Ну, вот ты и нарисуй их и попутешествуй по ним, пока я вернусь. Ладно?

— Ладно...

Он поцеловал ее, попрощался с женой и вышел из дому.

Солнце катилось к полудню, накаляя асфальт и крыши. Город уже дышал теплой испариной разгорающегося летнего дня. Наверное, Ляля с Любашей пойдут на пляж. Сегодня должна быть теплая вода, подумал он, направляясь к трамвайной остановке.

Там уже собралась толпа народу. Приезжие вместе с одесситами брали штурмом все виды городского транспорта, лишь бы добраться до вожденной воды. Воды-то всем хватало, а вот песка... Люди захватывали пляжные полоски, наваливая на них подстилки и сумки и загораживая проход к морю. Ходили по головам, загребая песок, и он сыпался на подстилки и тела и хрустел на съестных припасах.

Виктор вспомнил, как впервые взял Любашу в воду. Она подняла истошный крик, начала плакать, требовала вернуться на берег.

— Рыбонька моя, не бойся, это водичка, она хорошая, — уговаривал он ее.

У Любашаи вдруг округлились глаза, она притихла, над чем-то раздумывая, а потом с серьезным видом спросила:

— Если я рыбка, значит, ты будешь меня варить?

Наконец показался трамвай. Толпа возбужденно зашевелилась, и тылы начали активно продвигаться вперед, дабы не оставаться под пекущим солнцем в ожидании следующего трамвая.

Красный и раскаленный, сам как обгоревший пляжник, трамвай остановился с сердитым скрежетом. С трудом открылись двери, из которых начали по каплям выдавливать пассажиры. Как только все вышли, толпа, как по команде, ринулась вперед.

— Штурм Летнего, — пошутил энергично проталкивающийся вперед мужчина, вызвав взрыв смеха.

Виктор тоже двинулся к дверям, но кто-то сзади вцепился в руку, не давая ему возможности продвинуться к дверям. Не оборачиваясь, он попытался освободиться, однако ему это не удалось. Его явно пытались оттянуть назад, и это уже было слишком.

— Ну, чего хулиганишь! — грозно рыкнул он, оборачиваясь.

Перед ним стояла цыганка. Он опешил. Ну и хватка!

— А ну отпусти! Отпусти же, я сказал! — прикрикнул он на нее. — Нет у меня денег, да и некогда мне, — Он попытался освободиться. Но цыганка продолжала оттягивать его от трамвая. — Да отцепись ты! Чего пристала? — возмутился он, видя, что его отесняют. Не хватает только, чтоб он на дежурство из-за нее опоздал!

Цыганка пристально взглянула на него и внушительно произнесла:

— Не ходи туда, несчастье будет! — и повторила: — Не ходи!

На секунду его взяла оторопь. Он стоял не двигаясь, уставившись на нее, и она тоже молча смотрела ему прямо в глаза, словно гипнотизируя. Это длилось несколько секунд. Толпа тем временем оттерла его от дверей, и он вскоре оказался почти позади всех.

Трамвай набивался все плотнее, но у него еще был шанс влезть с задней площадки. Он стоял, раздумывая, что делать. Цыганка между тем исчезла, словно жара растопила ее. Толпа ревела — смесь ругани, прибауток и хохота. Кто-то охал, кто-то взвизгивал, кто-то снаружи старался впихнуть вовнутрь вагона свисающий зад пассажира, чтобы самому втиснуться между ним и дверью.

Дом был всего в нескольких метрах от Виктора — на противоположной стороне улицы.

Ему вдруг страстно захотелось снова взглянуть на своих, словно они только что не виделись или виделись, но в последний раз... «Это все глупости, глупости», — пытался он убедить себя. Но странное, гнетущее чувство разлуки погнало его назад к дому.

* * *

— Что случилось? — удивленно вскинула брови Ляля, когда он появился в дверях.

Виктор ничего не ответил, только быстро прошел в комнату и взволнованно прошелся от окна к дивану.

— Что произошло? — повторила жена с нарастающей тревогой в голосе.

— Цыганка...

— Цыганка? Тебя обокрали? Ну, Виктор, не ожидала, что ты поддашься на эти уловки! Судьбу, что ли, обещала предсказать? — Ляля рассмеялась с легким раздражением.

— Да нет, совсем не то, что ты думаешь.

Виктор начал было рассказывать о происшествии, как вдруг раздались крики со двора. Ляля подбежала к окну и увидела, что люди выскакивают на улицу и бегут куда-то.

— Что-то случилось, нужно посмотреть, — заторопилась она, надевая босоножки.

Они выбежали со двора, спрашивая, у встречных, что произошло.

— Как, разве вы не знаете? Только что трамвай сошел с рельсов. Полно народу передавило! Ваших там никого не было?

Да, это была одна из крупных одесских трагедий в разгар пляжного сезона, когда трамваи превращались в сплошное красное человеческое тело, свисающее с подножек и высовывающееся из окон.

Отец остался цел в силу мистических обстоятельств.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Виктор благополучно провел сухогруз в Николаев, а назад возвратился на автобусе. Если б в Херсон направили, прикупил бы арбуз, а так — налегке, без гостинца. А жаль! Арбуз херсонский был бы в самый раз в эту пору. Вот Любаша бы обрадовалась! Ее всегда поражали херсонские гиганты.

— Ну, как думаешь, красный? — спрашивал Виктор, готовясь разрезать влажный, тщательно вымытый арбуз.

Любаша кивала и ждала, когда наконец хрустнет корка под ножом и откроется тайна... Херсонские арбузы никогда не обманывали ожиданий.

Через пару часов Виктор был дома. Он вошел во двор, поднялся по лестнице и уже собирался позвонить, как до него донеслись возбужденные голоса.

— Ты меня прямо из кухни вытащила в свой драмкружок! — срывающимся голосом восклицала Ляля. — Выбежала прямо от плиты! Даже губы не успела накрасить! Меня все так и увидели... — Она вдруг разрыдалась.

Виктор помедлил. Раздались шаги соседки. Виктория Ефимовна пыталась успокоить Лялю.

Виктор сразу смекнул, в чем была причина истерики жены.

Драмкружок, куда Люба упросила мать повести ее, находился в Клубе моряков. Как раз в это время там проходили съемки фильма, в котором режиссером был Лялин киношник. Виктор об этом знал, но ему и в голову не пришло, что в день съемок Любаша начнет упрашивать мать пойти с ней на репетицию в драмкружок. Для Ляли же это было полной неожиданностью и шоком, когда она, судя по всему, напоролась на своего бывшего суженого. Суженый сделал вид, будто не знает ее, и вдобавок попросил помощника убрать всех посторонних со съемочной площадки. Все остальное можно было себе очень просто домыслить.

Дождавшись, пока жена утихнет, Виктор повернул назад, решив не заходить в дом. Он направился напрямик к гастроному. План созрел, пока он стоял и слушал истерику за дверь.

Ну до каких же пор все это будет продолжаться? И что она в нем нашла? Столько лет прошло, и все они отравлены его присутствием! Да нет, при чем тут он... Это она... Хоть бы ребенка пожалела — в кои-то веки повела в драмкружок, о котором Любаша так давно мечтала! Ну, да ладно. Нужно поговорить с ним по душам, с киношником этим, увидеть, что в нем такого забываемого...

Виктор вошел в гастроном и направился в винно-водочный отдел. Без пол-литра, как говорится, не разберешься.

* * *

В клуб он появился поздно вечером, когда съемки были закончены и съемочная группа спала вповалку на диванах, прямо в фойе, чтобы сэкономить время, поскольку следующие съемки начинались рано утром, до рассвета.

Виктора пропустили без вопросов, каждый знал его, включая и вахтера.

— Что снимают? — осведомился Виктор у дежурного на входе в съемочный павильон.

— Фильм какой-то художественный. «Верность» называется...

— Верность, — Виктор ухмыльнулся. — Ну, а сам где? Режиссер-то здесь?

— Да спит у замдиректора в офисе. Им встать рано.

— Ну ясно... Бывай!

Он торопливо прошел через салон и растворился в коридорных потемках. Дверь замдиректора направо, это он точно помнил.

* * *

В офисе зама тускло горел ночник. Там спало несколько человек. На столе валялись бутылки, промасленные бумаги и консервные банки.

Его он узнал сразу. Он спал на кушетке, подложив руку под голову. Ну, не спал, а притворялся, конечно. Виктору даже показалось, что хитрец подглядывает за ним сквозь щелочки закрученных кверху ресниц.

— Ну, ну, давай, давай подглядывай, — пробормотал он.

Тот не шелохнулся. Понятное дело, струсил. Это ему не на съемочной площадке бойца изображать. Артист!

— Эй, — Виктор тихонько тронул лежащего за плечо. — Слышь, проснись, поговорить надо.

Тот по-прежнему не двигался и, казалось, даже дыхание затаил.

— Да что ж я, медведь, что ты передо мной мертвое тело разыгрываешь! — негромко возмутился Виктор. — Я тебя не трону. Пришел поговорить как мужчина с женщиной. — Он вытащил шкалик из портфеля. — Вот видишь? Все чин чинарем. Разольем, поговорим. Морду бить не буду.

Тот подумал и повернулся на другой бок.

— Эй! — не унимался Виктор, уже более настойчиво тормоша притворщика. Но пробудить его было невозможно. — Слушай, так даже на корабле не напиваются, — сказал он ему в самое ухо. — Это ты для следующей роли запомни. Может, пригодится.

Так он и ушел восвояси, косолапя и покачиваясь, оставив спящее тело киношника долеживать в офисе до рассвета.

* * *

Снилась война. Эшелоны, поезд, лицо Сашеньки в окне.

Война, война, война! Сашенька приник лбом к мутному стеклу и стал похож на Любашу.

Виктор начал метаться, пытаясь спасти Сашеньку — единственное, что у него осталось, его соломинка, зацепка...

— Витюша, Витюша, проснись!

Он открыл глаза. Перед ним плыло лицо сестры.

— Женечка... — почти простонал он спросонья. — Откуда ты здесь?

Постепенно возвращалась память.

Позавчера ночью он вернулся домой изрядно выпивший, почти опустошив все, что припас для несостоявшегося разговора с киношником. Ляля, вытряхивая его из одежды, обнаружила в кармане записку любовного содержания от Эвелины. Эта немного перезревшая Женина соседка со двора была без ума от Виктора и даже не пыталась скрыть своих чувств в присутствии Ляли. В той записке Эвелина вывела старательным почерком, что во время встречи Нового года с друзьями она была готова забраться на стол и крикнуть всему свету, что влюблена в Виктора по уши. Виктор расхохотался, представив себе, как опасно покачиваются тонкие ножки стола под громоздким телом невесты как взобравшейся на него Эвелины.

Записка завалилась в кармане, и Виктор совершенно забыл о ней, но на Лялю находка подействовала как на быка красное.

Утром она молча показала Виктору записку, потом надела пальто и быстро выскочила на улицу. Виктор выскочил за ней, но Ляля исчезла почти моментально. Позже выяснилось, что она отправилась к Жене и устроила ей там допрос.

— Ты дала им свою квартиру. Ты их прикрывала, — на тихом взрыве бросала она Жене.

— Бог с тобой! Зачем бы я это делала? У нее своя квартира на первом этаже.

— Ах, вот как! Значит, они спали в ее квартире! И ты его не остановила, да? Хороша сестричка!

— Чуть какая! Никто ни с кем не спал. Он в ее сторону вообще не смотрит. Она даже не в его вкусе, коли на то пошло.

— Да-да, рассказывай!

В разгар допроса появился Виктор, Женя успела шепнуть ему на пороге, что Ляля здесь.

Виктор вошел. Последовала краткая немая сцена, после чего Ляля стальным голосом заявила:

— Завтра придешь за вещами.

Когда дверь за ней закрылась, Женя покачала головой.

— Ну и ну! Почему ты молчал? Почему ничего не сказал в свое оправдание?

— Что я должен был сказать? Жизни все равно нет, и надежд на перемены нет. Любушку жалко... Не представляю, как она будет расти без меня...

— Но у тебя ничего с ней не было?

— С кем?

— С Эвелиной, с кем еще!

— Было, не было... Какая разница?

— Вот стерва! Чужло мое сердце. Ну все, ноги ее здесь больше не будет, зараза такая!

— Да брось ты... Записку нужно было порвать, а я забыл о ней.

— Забыл! И чего тебя к этой, прости господи, понесло? Хотя на твоём месте любой мужик бы налево пошел.

— А может, это на Лялином месте любая бы налево пошла.

— Так, может, и ходила...

— Ну, все.

Больше они на эту тему не говорили. Порешили, что пока Виктор переночует у Жени, а с утра отправится домой, постарается это дело загладить.

— В случае чего, можешь у меня пожить месяц, пока Лорочка с Сергеем отдыхают на турбазе от моего санатория, — сказала Женя, пожелав ему доброй ночи.

* * *

Когда Виктор прибежал домой, Любаша еще была в постели. Оказалось, что у нее с вечера поднялась температура. Увидав отца, она обрадовалась и хотела броситься к нему на шею, как всегда делала, когда он возвращался домой с дежурства. Виктор остановил ее, присаживаясь на край кровати.

— Не поднимайся, доча, у тебя температурка. Лобик горяченький...

— Папочка, ты уже приехал? А я сегодня дома. Ты будешь читать мне книжку? — Ее щеки пылали.

Виктор собирался было что-то ответить на просьбу дочери, но на пороге показалась Ляля

— Собирайся и уходи, — жестко сказала она.

— Ляля...

— Я сказала, собирайся.

Виктор порывисто обнял ребенка.

— Папа, что случилось? Почему мама тебя выгоняет? — встревожилась Любаша.

И в эту самую минуту он вдруг вспомнил сон и обещание, которое когда-то давал Л. Он обещал *тогда*, что не позволит разрушить свой дом, что проведет свой семейный корабль через все пули и взрывы... Или что-то в этом роде... неважно, важно то, что клятва эта была священна, как любая клятва, данная на войне, на хрупкой кромке между жизнью и смертью...

Любаша ждала ответа.

— Я плохо поступил по отношению к маме, — сказал Виктор. — Я сильно обидел ее. Я виноват перед ней, поэтому она хочет, чтобы я ушел.

Любаша порывисто обхватила его за шею и крепко прижала к себе.

— Я тоже перед ней виновата каждый день. Пусть она меня тогда тоже выгонит! А я тебя никуда не отпущу. Ты будешь жить здесь, в моей комнате, и я тебе буду отдавать свою кашу и хлеб с маслом.

— Люба! Прекрати! Отпусти отца немедленно! — приказала Ляля, наблюдавшая за этой сценой. — А ты собирай свои вещи и уходи!

— Ты уходи! Сама уходи! А папку я не отдам! Он мой, мой! — воскликнула Любаша, бросившись к отцу, как зверек, и крепко прижав его к себе. Когда-то в детстве так прижимала его к себе бабушка, когда мать хотела его наказать.

Виктор тихо заплакал на ее детском плече — впервые за все время, впервые после потери боевых товарищей, смерти мамы, исчезновения Сашеньки...

Они просидели так час, полтора, два... Любаша отказалась наотрез от еды и питья и только крепче вцеплялась в него всякий раз, как мать подходила к ним.

— У нее, кажется, повышается температура, — наконец сказал Виктор. — Она вся горит.

Ляля молча принесла градусник.

— Люба, не дури, нужно измерить температуру, — Она попыталась приблизиться к девочке.

— Нет!

— Хорошо... Папа останется...

— Навсегда?

— Навсегда.

— Папочка, папочка, папочка! — Любаша бросилась целовать отца, снимая с него шапку и шарф и расстегивая пальто, в котором он просидел все это время.

Потом они пили вместе чай из ложечки. Он дул, а Любаша пила. Чай был с малиной и лимоном, вкусный. Температура начала спадать, и Любаша, разморившись, попросила почитать ей вслух. Он стал читать, за окном унялось солнце.

Уже засыпая, Любаша сообщила ему заговорщицки:

— А я видела ту фотографию, на которой ты узбек.

Виктор положил руку ей на лоб.

— Какой узбек? Ты о чем?

— Ну ты, что ты спрятал у себя в ящике. Когда ты маленький был. В шапочке узбекской. Помнишь? Ты мне никогда не рассказывал, что в детстве ты был узбеком...

Она уснула, а он достал фото своей семьи из ящика и долго рассматривал мальчика в кипе.

КРИЗИС

Плохие вести следовали одна за другой. Первая — умер Адамыч. На Викторе не было лица, когда он вернулся домой из порта. На расспросы жены кратко ответил, что нет больше его лучшего наставника, и всю ночь просидел над некрологом. Вспомнил все. И как война помешала ему закончить практику, и как фашисты потопили их судно «Товарищ», и как Адамыч помог ему на спасательной шлюпке... Не думал боцман пережить свой белоснежный барк. Он мог бы уже и распрощаться с морем — по возрасту давно пора бы перейти на пенсию, но оторвать старого моряка от моря — все равно что выбросить рыбу на берег. В те грозные военные дни Адамыч появлялся на палубе военно-вспомогательного буксира. Не было там ни стройных мачт, ни надутых ветром парусов, ни путаницы концов, к которым так привыкли натруженные руки боцмана. Вместо всего этого — два-три фала для поднятия флагов, куца, черная от угля и машинного масла палуба и жирный фонтан дыма из пузатой трубы.

— Даже море дымом пахнет, чали... — приговаривал Адамыч с тоской.

В этих словах было и воспоминание о мирных рейсах, и ненависть к врагу, и боль за израненное, кипящее от бомб море... Некролог написался сам, словно кто-то водил пером Виктора. И уже было неясно, где заканчивались раздумья и начинались слова. *Все в мире имеет конец. Не стало и Адамыча... Давно ушли в небытие красавицы парусники, а самому молодому из проходивших практику на «Товарище» перевалило за сорок. На смену старым тихоходным парходам пришли стремительные океанские лайнеры, а довоенный «Товарищ» свободно уместился бы на палубе современного большого танкера. Иногда на морском перекрестке встречаются два корабля. Один из них, подобно «чайке белокрылой», летит по волнам, наклонив высокие мачты, увешанные парусами. И кто бы ни шел навстречу — быстроходный ли пассажирский теплоход, танкер или возвращающийся из дальнего плавания китобойный корабль, — он обязательно уступит дорогу паруснику и первый приспустит флаг в знак приветствия. На носу парусника большими золотыми буквами выведена надпись «Товарищ». Это — новый «Товарищ». На нем так же, как и сорок лет назад, уходят в первое плавание будущие капитаны неведомых кораблей. Но каждый, хоть раз побывавший на старом «Товарище», вспоминает с особой теплотой стройный барк, первые шаги к дальним плаваниям, свою молодость. И всегда в этих воспоминаниях возникает образ старого моряка, первого боцмана советского морского флота — Адамыча.*

С утра Виктор пошел в редакцию черноморской газеты и отнес некролог. Там его уже ждал главред. Поблагодарил за оперативность, прочел некролог, прослезился. До полудня подбирали фотографии, размещали материал, а потом отправились с моряками помянуть легендарного боцмана.

Вечером Виктора ждала вторая новость. Любаше стало хуже. Как назло, ее участковая врач уехала в отпуск до следующей недели, а другому врачу Ляля не доверяла.

Любаше дали жаропонижающие, температура спала, но лучше ей не стало. Ребенок чахнул на глазах — слабость, отсутствие аппетита, а потом и вовсе отказалась вставать. Виктор пытался почитать ей любимую книжку, но и это не взбодрило ее.

Срочно была вызвана из Калараша Надежда Константиновна. Любаша только поморщилась, услышав известие о приезде бабки. Отношения между внучкой и бабушкой сложились странные. Вопреки обыкновению, Надежда Константиновна внучку не баловала и подмечала все ее промахи. Любаша тоже в обиду себя не давала и иной раз и ногой топнуть, и дверью хлопнуть могла в ответ на придирки.

— Упрямая она у тебя, злючка, — говаривала Надежда Константиновна Ляле. — И белоручка к тому же. Балуеть ты ее.

Ляля слушала мать и прикрикивала на Любашу, что вызывало недовольство Виктора. Поведение тещи он понять не мог. Ну, пошалила внучка, что ж тут удивительного. Ребенок на то и ребенок, чтоб шалить. Он сам был первенцем в семье и хорошо помнил, как бабушка любила и пестовала его, как защищала, когда родители хотели его наказать. А тут... Как-то вернувшись из Калараша, Любаша пожаловалась, что бабушка часто дразнила ее чомгой и читала ей сказку «Айюга» о девочке, которая превратилась в уродливую птицу.

— Посмотри, посмотри, как ты на нее похожа! — приговаривала со смешком Надежда Константиновна, показывая рисунок чомги в книге. — Вот вырастешь и тоже чомгой станешь.

Любаша чуть ту книжку на клочки не разорвала — Надежда Константиновна едва успела выхватить ее из рук внучки.

— Ах ты, злючка такая! Вот приедет твоя мама, я ей покажу, что ты с книжкой сделала, — пригрозила она, разглаживая страницы.

— Ну, почему я должна стать чомгой? — недоумевала Любаша, вернувшись домой.

— Глупости! Никакой чомгой ты не станешь, — заверил ее Виктор. — Это бабушка сказала, чтобы ты ее слушалась.

Вечером он поделился с Лялей, но та только отмахнулась:

— Да не преувеличивай ты. Подумаешь, маме и пошутить нельзя.

* * *

Когда Надежда Константиновна приехала к заболевшей Любаше, Ляля вздохнула с облегчением. Все-таки медик в доме, да и нагрузки меньше, можно ночью поспать спокойно. И впрямь жизнь ее стала менее напряженной. Мать обеды готовила, мужа на работу собирала и с Любашей по ночам сидела. А той все хуже и хуже. Через несколько дней, к ночи, снова подскочила температура. Родители уже спали: завтра рано на работу.

Любаша ворочалась, стонала, видно, что-то мерещилось ей во сне.

Надежда Константиновна подошла, поставила ей градусник. Та открыла глаза и посмотрела на бабушку невидящим взглядом.

— Ты чего?

— Ничего, — прошептала Любаша.

Надежда Константиновна смочила ей губы и, подождав немного, вытащила градусник из подмышки. Градусник был такой горячий, словно его опустили в кипяток. Она молча взглянула на ртуть, дала таблетку и села рядом на стул с вязаньем в руках.

Сидит, вяжет. Нитки в пальцах извиваются, крючок их мучает, выкручивает. Любаша глядит на это, и мысли ее спутываются, как нитки, а в висках стальные крючки шевелятся.

«Тик-так!» — часы выстукивают, солнце в землю колышками стрелок вбивают.

Зачем она мучает нитки?

Ай-йо-га! Ай-йо-га!

Вяжется покрывало, только и ждет, чтобы набросили его на травы, на озера, на солнце. Никого не согреет оно. Ветер сквозь него задувает, холод земли в узор его заползает. Холодно в нем, тяжко.

В ту ночь Любаше мерещились подводы... Вереницы подвод, хлюпающих по осеннему бездорожью, а на них люди — головы в колени, чтоб от озноба укрыться. А он заползал к ним за ворот, проникал под кожу и полз дальше, дальше, прямо к сердцу.

В мутной взвеси тумана доктор вышагивал между подводами на журавлиных ногах, склонялся над лежащими, смотрел-буравил их взглядом, кратко произносил: «Тиф» — и шел дальше. А приговоренный превращался в скрученный лист, и ветер поднимал его с подводы и уносил за тридевять земель.

За тридевять земель
качается колыбель...

На теле Любаши платок обветшалый, из дырявой листвы сшитый. Не укрыться под ним от журавлиных ног, не спастись.

Хлюп-хлюп, чап-чап... Вот остановился, заглянул к ней в дырчатую скважину. Ветер сорвал с нее покрывало — драное воронье крыло, а доктор все стоял, взглядом буравил — ноги журавля, лицо чомги.

Жар разлился по телу, закипая в крови.

— Тиф, — по-птичьи бесстрастно просвистела простуженная свирель в клюве доктора, и губы Любаши превратились в два шершавых листочка. Вот-вот улетят в мутное поднебесье.

А он пошел дальше на своих журавлиных ногах.

— Принеси мне живой воды, птица-чомга, — прошептала она ему вслед. — Живой воды...

Доктор обернулся. Никто его доселе так не величал, никто о живой воде не просил. Он окинул поле удивленным взглядом, увидел груды сухих листьев скрученных, и пролилась родниковая слеза из глаз его птичьих.

* * *

— Не будите ее, у нее ночью был кризис, — сообщила Надежда Константиновна дочери и зятю, когда те, проснувшись, первым делом подошли к постели тихо спящей Любаши.

— Кризис? — недоуменно переспросила Ляля. — Откуда ты знаешь, мама?

— Она бредила всю ночь. Я измеряла ей температуру. У нее было выше сорока.

— Почему же вы нас не разбудили? — воскликнул Виктор. — Мы должны были вызвать «скорую»! А что если бы мы потеряли ребенка?

Он выскочил на улицу и бросился звонить знакомым. Через полчаса он получил адрес какого-то известного профессора, вытащил его прямо из дому, чуть ли не в тапочках, пообещав бесплатный круиз до Ялты и обратно для него и его родственников, и приволок его к больной. Профессор надменно переступил порог комнаты, где стояла кровать девочки, но уже через пару минут взгляд его стал серьезным и без тени надменности.

— Брюшняк, — кратко сказал он. — Не давать ничего свежего, никаких овощей и фруктов, только сухари и теплое питье. И госпитализировать. Немедленно.

Вскоре за Любашей приехала карета «скорой помощи», и ее увезли в инфекционное отделение.

* * *

В инфекционном отделении ее поначалу положили в общую палату из сорока человек, но после подтверждения диагноза немедленно перевели в другую, поменьше, где было только пятеро и строгий постельный режим.

— В нашем полку прибыло! — радостно поприветствовала Любашу молодая женщина, которой уже разрешалось вставать. — Какая хорошенькая! Меня Ритой зовут. Мы тебя любить будем, смотреть за тобой, пока тебя домой не отпустят. А то родителям сюда не разрешают. Да ты не волнуйся, я тебе сказки рассказывать буду и песни петь. Знаешь, как тут весело бывает?

— Нет, не знаю, — честно ответила Любаша.

Рита рассмеялась.

— Вот и славно! А теперь узнаешь. Здесь хорошо. Мы потом в душ пойдем мыться, когда тебе вставать позволят. Видишь, мне уже позволили. Скоро и ты встанешь. А пока лежи, слушайся врача и медсестру, и все будет хорошо. А это твой папа там за окном стоит?

Любаша взглянула в окно и радостно потянулась к подоконнику.

— Нет, нет, ты лежи, — велела ей Рита, усевшись на краешек ее постели. — Пока лежи. Папа тебя и так видит. И слышит. Какой интересный у тебя папа. В морской форме. А он теперь все время будет к тебе приходить?

— Когда не на дежурстве, все время...

— Это хорошо.

Время в палате тянулось медленно. И даже сказки не помогали. Виктор между дежурствами простаивал за окнами палаты. Его ненадолго сменяла Ляля, прибежавшая до и после работы. Потом она мчалась домой готовить диетный супчик для Любаши и поесть самой то, что заботливо подносила ей мать. Надежда Константиновна решила остаться до полного выздоровления внучки, взяв на себя заботы по хозяйству. Лялю всегда ждал горячий обед, тапочки и вымытая посуда, в которую оставалось только перелить свежеприготовленное для Любаши.

— Вы не волнуйтесь, — говорила Рита Виктору, когда тот приходил с очередной порцией супчика. — Она все до капельки съела в прошлый раз, я проследила.

А как только Виктор уходил, она всплескивала руками и восклицала:

— Ну и красавчик!

— Мама тоже красивая, — однажды не выдержала Любаша.

Рита рассмеялась.

— Конечно, красивая! Как же мама может быть некрасивой!

Вскоре Риту выписали, и она крепко обняла Любашу на прощание, заверив, что и ее вскоре выпишут.

Без Риты стало и вовсе тоскливо. Никто с Любашей не разговаривал, и она коротала день, читая «Мурзилку» и раскрашивая картинки. Рита все же однажды появилась, и это было полной неожиданностью. Она принесла домашние сухарики и книжку и еще долго стояла у окна, что-то говорила, пока не пришел Виктор, а потом засмушалась и ушла и больше никогда не появлялась.

Через месяц Любашу выписали. Накануне ей приснился сон о том, что за ней приехал всадник на белом коне и в багряном плаще. Он подхватил ее и понес навстречу восходящему солнцу.

— Сегодня мы идем домой, — первое, что донеслось до нее на пробуждении.

Ляля сидела у ее постели и собирала вещи.

— Мама... мамочка! Я так рада! Ура, домой!

Дома Любашу встречали как победительницу. Ляля испекла наполеон, соседи купили куклу, на которую Любаша часто бегала смотреть в магазин на углу, а Виктор подарил ей изумительно иллюстрированного «Конька-горбунка». Без блата, конечно, не обошлось.

Все ликовали, будто и впрямь какой-то страшный враг был побежден.

Через пару недель праздник сменился буднями с переменной облачностью, и все вернулось на круги своя.

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Какое-то время Надежда Константиновна не появлялась на горизонте и даже писем не писала. Это было странно, учитывая ее постоянное опеку над любимой дочерью. Виктор заметил некоторые перемены и в Ляле. Прежде всего, прекратились скандалы и вообще громкие разговоры, хотя семейных отношений это не улучшило. Ляля полностью ушла в себя и почти не реагировала ни на что. Казалось, она впала в состояние душевного анабиоза, из которого ее невозможно было вывести.

Атмосфера небывалой тишины в доме стала гнетущей. Виктор был уже не уверен, что лучше — это леденящее душу спокойствие или скандал. В конце концов, напомнив себе, что «от добра добра не ищут», он не стал докапываться до сути, дабы не навлечь на себя гнев небес. Пусть все идет, как идет — какое-никакое, а все же спокойствие.

И они поплыли параллельным курсом.

А произошло вот что.

В последний раз, когда гостила у них Надежда Константиновна, Ляля как-то возвращалась домой с работы и вдруг... Прямо напротив ее дома, на другой стороне улицы, она увидела его машину. Он сидел и смотрел на проходящих. Может, просто думал о чем-то, а может, забегал в магазин и готовился уехать.

Ляля сразу заметила его. Ноги ей моментально отказали. Она не могла двинуться с места и прислонилась к стене, пытаясь прийти в себя. В этот момент он поднял на нее глаза. Несколько минут они смотрели друг на друга, и она не понимала, видит ли он ее, а если и видит, то узнает ли. Она не понимала ничего... Оцепенение прошло только после того, как машина тронулась с места.

Она еще несколько мгновений стояла неподвижно, а потом усилием воли заставила себя шагнуть по направлению к воротам. Никогда путь к дому не был так мучительно долгим. Ляля старалась идти ровно, чтобы не вызвать любопытства у соседей, и кажется, ей это удалось. В парадном она приостановилась, готовясь подняться на второй этаж. Сверху доносились голоса соседей, смех матери и звяканье кастрюль. «К чему это все?» — промелькнуло в голове, но она не стала задерживаться на этой мысли.

В квартиру она вошла, не поздоровавшись с матерью, прошла по коридору в комнаты, бросилась на диван и застонала. Это был не плач, не рыдания, а именно стон раненого зверя, идущий из живота и протискивающийся наружу через сдавленное горло.

Любаша притихла в соседней комнате. Вбежала из кухни Надежда Константиновна, пытаясь понять, что произошло, но Ляля стала биться головой о подушку, зайдясь в истерику. Сквозь судорожные всхлипывания дочери мать все же разобрала причину ее конвульсий. Она любила его. Вся жизнь ее была исковеркана. Она совершила ужасную ошибку и теперь расплачивается за нее. Все это Ляля выкрикивала короткими судорожными фразами. И тогда...

Надежда Константиновна, высокая, статная и довольно громоздкая для быстрых движений женщина, вдруг с размаху бухнулась на колени перед рыдающей дочерью. Стоны мгновенно прекратились.

— Мама, ты что? — охрипшим голосом проговорила Ляля.

— Ляленька, будь я проклята! Будь я проклята! — заголосила мать, ударяя кулаками себя в грудь.

— Мама, что ты, мама, встань, ты здесь ни при чем...

— При чем, очень даже при чем! И почему я не сдохла тогда, почему земля все еще носит меня!

Она рассказала все: о телеграммах, об их содержании, о его любви и готовности жениться, о том, как она бегала на переговорный пункт. Не утаила ничего.

Ляля слушала ее с широко раскрытыми, безумными глазами и, когда все было кончено, тихо, но страшно произнесла:

— Уезжай.

Мать молча поднялась с колен и бесшумно исчезла.

ЗОЛОТИСТЫЙ ГОЛОВАСТИК

Из дневника

Какая ошибка была совершена! Пожалуй, винить тут некоего, разве что себя. Я видел дальше, но в тот момент глаза мои были закрыты и молчал разум.

Виктор затушил окурок и задумался. Видел дальше и... не видел ничего. Снова эта проклятая квантовая неопределенность. Но даже если и удалось бы увидеть картину в целом в «тот момент», то все равно, как в копенгагенской интерпретации — точный путь каждого фотона невозможно вычислить. Да и без Копенгагена все давно уже ясно. Сказано: неисповедимы пути Господни. И это навеки. На это Виктор и надеялся, когда женился, надеялся, что Ляля вдруг очнется и разглядит его. А она тоже была как слепая. Так и поженились — оба с закрытыми глазами.

Прошное все плотней обступало Виктора. Ему часто снилось, что он — одинокий кит, чью половину убил гарпунер, и теперь он колесит и колесит по океану, в поисках и тоске. После таких снов он просыпался с чувством безысходности, выпивал чашку горячей воды, выкуривал папиросу, собирался и уходил в порт, даже если дежурство было только через день. Там стоял, смотрел на корабли, здоровался с сослуживцами, перебрасывался парой слов.

С кораблями ему было проще. Они понимали его, слушали, были с ним на одной волне не только, когда он управлял ими, но и в такие часы, когда он просто глядел на них с берега. Они уносили от неразрешимости, пришвартовывали к надежде. Они тосковали по нему, а он — по ним, и в этом была та желанная, идеальная обоюдность, о которой можно было только мечтать.

Глубокой осенью Виктор приступил к написанию повести о войне. Это был единственный способ избавиться от бремени военных лет, выплеснуть все, что накопилось, помянуть павших, дать вторую жизнь прошлому. Он решил назвать повесть «Золотистый головастик» — в память о своей первой любви. Сравнивая это чувство с любовью к Ляле, он явственно ощущал, насколько оно отстоит от всего, что позднее пришло в его жизнь. Чувственная белокаменная недосыгаемая Ляля навсегда оставалась крепостью, которую не взять, которая открывалась во время любви, но тотчас же закрывалась, заставляя любого, кто желал быть рядом, мучиться собственной несостоятельностью. Ее создал невероятный архитектор, исключительно для любования и терзаний, без всякого подступа к ней. От этого можно было потерять голову, сойти с ума, загубить жизнь и никогда не излечиться. Ничего похожего на то, что у него было с Л.

Л. пришла к нему, как дыхание, как душа к Адаму, и выдохнуть ее можно было только со смертью. Он искал ее везде и во всем, в любых намеках на ее присутствие в мире. Ведь не могла же она исчезнуть бесследно! Закон сохранения энергии должен распространяться на все живое. А живо — все.

Повесть писалась трудно, нехотя проступая на бумаге. У нее была тяжелая душа. Не душа, а сплав свинца и боли. С такой не взлететь, не воспарить при свете свечи.

Но он брал высоту за высотой, ценой невероятных душевных усилий продвигаясь к завершению.

К февралю Виктор почти закончил работу. Оставалась буквально страница-другая. И тут он почувствовал приступ тоски, словно расставался навсегда с близкими сердцу мгновениями.

Два-три дня продолжались морозы до шестнадцати градусов, прошел обильный снегопад с колючим северным ветром. Он гнал снежную лавину, и на улицах образовались сугробы. Виктор иногда выходил из дому, чтобы купить хлеб и побродить по заснеженным окрестностям. Прохожие походили на Дедов Морозов и снежных баб. На углу одинокая случайная «Волга» бешено вращала колесами, не в силах сдвинуться с места, пока ее не догнал трактор со снегоочистителем и не освободил из плена. Двор замело, и пройти можно было только по траншеям, которые расчищали жильцы от своих дверей до ворот.

Работа над повестью не возобновлялась, словно и она застряла в сугробах. Виктор и не пытался их раскопать. Просто сидел у стола и смотрел на чистый лист бумаги.

На море было напряженно, но на дежурство он должен был идти только через день.

С утра расчистилось небо. В комнате было тихо и пусто. Холодное февральское солнце отблескивало на остывающей стене.

Виктор принес немного угля из сарая, подбросил в печь и какое-то время наблюдал за игрой пламени. Потом нехотя подошел к столу. Если завершить повесть сейчас, то все кончится: свет, надежда, радость... Пусть ненастоящая, но все-таки радость. А взамен наступит то, о чем он не хотел ни думать, ни вспоминать, на что закрывал глаза все эти годы, притворяясь, будто этого не было. Так, может, не стоит ворошить прошлое? Может, завершить эту историю на неопределенной ноте? Мол, уехала в Ростов героиня, а герой остался на берегу, идет война, впереди — неизвестность... Пусть читатель сам додумывает концовку. Можно, конечно, и так.

Виктор покрутил в руках ручку и отложил в сторону.

— Нет, я еще не готов подписать тебе приговор...

Солнечный блик заплескал на поверхности листа и слегка потерся о его ладонь, благодаря за отсрочку.

* * *

В ту ночь ему приснилась песня Сольвейг. Мелодия струилась по темной воде, и казалось, это душа морей тосковала в предрассветной мгле.

Виктор попытался приблизиться к водам, но расстояние между ним и кромкой берега не сокращалось. «Эффект горизонта», — подумалось ему.

Песня кружила над бессонницей вод, и с ней перекликалась их темная глубина.

Это была прощальная песня, вдруг понял он.

Берег мгновенно покрылся рукописями, напоминавшими свернутые раковины.

— Пора! — послышался голос Адамыча.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам знаешь. Судьба есть судьба.

— Тебе и это известно...

— А как же! Ты ведь рядом нас положил — свою повесть и некролог. За некролог спасибо, расчувствовался...

— Так я и думал, что ты без меня тут любопытствовал.

— Я и не скрываю. Ночи-то длинные, а страниц у тебя много, и все заселены разными людьми. О каждом знать хочется, да и о себе иной раз интересно прочесть. Странички

твои — как море. Глубоко нырять приходится, чтобы все разглядеть. Вот я и разглядываю, чали-моряк... Ты вот что, отпусти ее. С твоей болью она в мир вернется.

— Это как?

— Все, что не переболит — умирает, а что переболит — возвращается. Тебе нужно завершить повесть.

— Я не могу... Если допишу, все исчезнет... Слова убьют ее...

— Они вернут ее к жизни. И тебя заодно. Пока ты с ней — ты в плену.

— Как я могу бросить ее, одну, посреди взрывающегося моря... Это предательство!

— Война кончилась, кончилась.

— Но не для нее. Она еще там, она ждет.

— Скажи ей, чтоб не ждала. Скажи ей, что войны больше нет. Пусть возвращается.

— Куда?

— Она знает куда. Ты просто скажи ей.

Сон улетучился. Было раннее утро. Точно такое, как тогда, в сорок втором...

24 мая. Виктор вернулся из рейса, а Л. уже стояла на пристани, ждала его. Как только трап спустили, помчалась к нему и, не обращая ни на кого внимания, бросилась ему на шею.

— Цел, цел, целехонек, — приговаривала она, глядя его по волосам, по плечам, словно пытаясь удостовериться, что он и впрямь цел. — А я уж не верила... Вбила себе в голову бог знает что... Решила, все, конец... Дура, дура, настоящая дура.

— Не дура — дуралейка, маленькая дуралейка. — Он уткнулся лицом в ее волосы.

Они медленно пошли по направлению к общежитию и говорили о том, что теперь о свадьбе и мечтать не приходится — нехватка матросов, бомбежки Севастополя...

— У меня и язык не повернется к Магераму идти с просьбой, — сказал он.

— Да, я понимаю, — согласилась она. — Нужно ждать...

— Только б тебя в Ростов отправили! Мне бы спокойнее тут было.

— А мне бы не было...

Но оба понимали, что от их желаний ничего не зависит.

Уже вечером, когда они прощались, она вдруг робко спросила:

— А может, наведаешься к Магераму? Просто так. Ну, чтобы не специально с просьбой, а так...

— Ну ты же знаешь сама, что так к капитану не приходят.

Она кивнула в знак согласия. На том и расстались.

Но эта мысль не давала ему покоя. «Чем черт не шутит? — решил он утром. — Зайду к Магераму под каким-нибудь предлогом. Все равно он поймет, но просить ни о чем не стану. А там поглядим...»

Полдня ушло на всякие мелкие дела, а после трех Виктор отправился к капитану. Ей решил ничего заранее не говорить.

Когда пришел, оказалось, что у капитана там какое-то важное собрание. За дверью слышались голоса, шаги, звук отодвигающихся стульев и шелест карты. Подождав полчаса, Виктор отправился в общежитие.

Дверь в ее каюту была настезь, и на тумбочке не было ни вещей, ни записки.

— Уехала она, — сказала дневальная, входя с кувшином воды.

— Куда уехала? Когда?

— Да с час назад. В Ростов.

Он выскочил на пристань, прекрасно понимая, что она уже далеко.

Навстречу ему шел Белов.

— Виктор, где ты пропал? — спросил он.

Виктор втянул голову в плечи и угрюмо ответил:

— Я капитана дождался. А что?

— А то, что твоя Л. тебя обыскалась. Ее на «Чауду» срочно вызвали, еле вещи собрала. Там обстрелы постоянные сейчас. Приказ был дан отчалить немедленно, пока стихло. Я как раз с «Серова» сошел, а тут она, вся в слезах. Тебя нигде нет, даже попрощаться не успела...

— Спиридон Ильич, миленький, что она сказала? Записку передала?

— Записку! Да она двух слов не могла вымолвить. Как вцепилась в пиджак... Ее подгоняют, а она как маленькая. Только и сказала: пусть, мол, бережет себя, а я напишу.

— Так и сказала?

— Да, так и сказала. Чтоб писем ждал, — подтвердил Белов, глядя в землю.

Полночи Виктор бродил по пирсу, переваривал случившееся. Затем сделал запись в дневнике и отправился спать.

Очнулся от стука в дверь. Недовольно заворочались ребята, никто не хотел вставать раньше времени.

Стук в дверь повторился.

— Виктор! — послышался голос вахтенного. — Виктор Борг! Собирайся. Идешь в рейс на «Серове».

Виктор вскочил с постели. Через несколько минут он был уже с вещами возле грузовика. «Может, нагоним в дороге „Чауду“», — теплилась слабая надежда.

Дальше воспоминания были в форме записи в судовом журнале.

В 11.00 «Серов» двинулся курсом на Севастополь. В 12.00 вахту принял второй помощник капитана Томилин. Какое-то время продолжали следовать компасным курсом 123°, поправка компаса +1,5°. На траверзе левого борта на большой высоте был замечен разведывательный самолет противника. Он летел в восточном направлении и к судну не приближался. В 13.07 была получена радиограмма за подписью начальника пароходства: «Капитану парохода „Серов“. Немедленно следуйте теплоходу „Чауда“ широта 441206 долгота 344630. Результате бомбежки вышел из строя главный двигатель. Вода поступает машинное отделение. Окажите возможную помощь. При необходимости возьмите на буксир».

Виктор прирос к корме, вглядываясь в горизонт. Держись, держись, милая! Мы идем. Скоро будем, уже совсем скоро!

— Легли на компасный курс 82°, движемся на помощь терпящему бедствие судну, — сообщил капитан.

Машине был дан самый полный ход. Наконец в 14.05 прямо по носу в расстоянии 8—10 миль заметили судно и сторожевой катер. Время тянулось неимоверно медленно. «Продержись еще немного!» — мысленно молил он.

В 14.50 подошли на расстояние трех кабельтовых к «Чауде» и легли в дрейф. Судно имело большой дифферент на корму, сторел мостик. Виктор больше не ощущал ни себя, ни корабля. Все сместилось в зону кренящейся «Чауды», все мысли и ощущения.

Вдали показался сторожевой катер. У Виктора возникло желание броситься в воду и поплыть ему навстречу. Черт с ним, с наказанием, с войной этой проклятой! Пусть хоть расстрел за дезертирство, только бы доплыть и спасти! Он бросался в воду то с криком, то молча и плыл, плыл до изнеможения, до судорог в мышцах. А на самом деле прирос к корме чугунными ногами. С такими ногами не то что в воду не прыгнешь, а и шагу не ступишь.

Наконец катер подошел к борту и сообщил, что на «Чауде» машинное отделение затоплено, работает аварийная партия.

А она? Что она?

В ту же минуту до него донеслось в форме сводки: «На катер подняты тяжелораненый старший помощник и погибшая при бомбежке практикантка-радистка...»

Жизнь остановилась, а сообщения продолжали поступать. Они шли мимо Виктора, поверх него, затрагивая только слух. В них не было никакого смысла. Капитан «Чауды» от помощи отказался и сообщил, что машинное отделение затоплено, в трюме номер три вода, течь устранить не удастся из-за нарушенных при взрыве заклепочных швов, попытки завести пластырь под пробоину не увенчались успехом, уровень воды в трюме повышается, все водоотливные средства вышли из строя, «Чауда» все больше погружается кормой в воду, в 15.25 команда на шлюпках покинула судно, в 15.38 спасательный буксир «Чауда» затонул кормой... Затонул.

Первая мысль: она там, на катере. Лежит совсем одна, прикрыта каким-то мешком. Нужно во что бы то ни стало к ней. Быть рядом, пока не похоронят. Чтобы она не боялась... Бред. Какие похороны! Они собирались пожениться, вместе пройти войну. А эти... накрыли ей лицо мешком. Она ведь боится, ничего не понимает. Пустите, пустите к ней!

— Ты пей, пей все, до дна, — слышит он голос Белова. И еще стук зубов о кружку с водой. — Пей! — Вода начинает обжигать. Это спирт. — Вот так. Хорошо. Теперь все будет хорошо.

Он проваливается на самое дно, и его слегка качает.

Впоследствии он будет видеть один и тот же сон о потоплении, вплоть до сорок третьего, когда буксир будет переоборудован немцами для работы на морских коммуникациях и переведен в Николаев. А потом буксир снова будет затоплен, уже в Николаеве, в марте сорок четвертого, когда будут спешно эвакуироваться захватчики. Но жизнь буксира на этом не оборвется. Его поднимут со дна и в сорок восьмом году перейдет на службу в Черноморское пароходство.

А ее жизнь оборвалась навсегда.

Все это всплыло в памяти с поразительной ясностью и точностью.

Виктор решительно подвинул к себе лист бумаги и четким почерком, словно под диктовку, вывел окончание повести:

«Неужели это все? Ее нет в живых... Я никогда больше не увижу ее, никогда... Почему она должна была погибнуть, она, которая за свою короткую жизнь никому не причинила боли?»

Словно автомат, крутил я рукоятки штурвала, и глаза следили, чтобы цифра 127 не уходила из-под курсовой черты. А мысли вновь и вновь возвращали меня к прошлому. Вспоминались мельчайшие детали наших встреч, каждый жест ее, интонация, взгляд. Кому нужна была эта жертва? В чем логика ее смерти?

Через два часа меня сменил на руле другой матрос. Я вышел на крыло мостика, чтобы наблюдать за воздухом. В ту же минуту с бака доложили о появлении фрицев. На тральщике и сторожевом катере люди бежали к орудиям. Я побежал на бак.

Шесть самолетов двигались на нас. Первыми открыли огонь зенитки с тральщика. Фашисты летели на большой высоте, но с курса не сворачивали. Два передних бомбардировщика бросили бомбы. Они отрывались от пуза самолета и, набирая скорость, со свистом летели на нас.

Целью я выбрал себе бомбардировщика слева. С этого момента я не слышал свиста бомб, артиллерийской стрельбы. Были только мы, два дуэлянта.

Я прицелился. С высоты, почти недосыгаемой для снарядов, он нагло пикировал на судно, прямо на раскаленные жерла орудий, на дробные пулеметные очереди. Он мчался на меня, и мне видно было за выпуклым стеклом кабины его удлиненное лицо с рас-

ширенными от азарта глазами. Может быть, новенький крест, висевший на его комбинезоне, был получен им за убийство самой лучшей девушки в мире.

Он приближался ко мне, а я смотрел на него через окуляр оптического прицела, ловил на нить, подсчитывал в уме упреждение. Невероятное спокойствие овладело мной. Руки вращали рукоятки наводки, глаза еще никогда так ясно не видели цели.

Бомбардировщик выпрямил самолет, и я увидел черные кресты совсем низко, над самыми мачтами. Эти кресты смеялись надо мной, кичились своей неуязвимостью и приводили меня в ярость.

— Огонь! Огонь! Огонь!..

Неожиданно враг мой клюнул носом и тотчас же скрылся под водой.

Я смотрел на широкое пятно — место его падения. Ненависть и нервное напряжение последних минут лишили меня радости свершившегося возмездия. Почему-то дрожали руки.

Это только первый в твоё отмщение, будут и другие. Ты слышишь меня, любимая? Будут и другие, много других заплатят за гибель твою... Нет, ты не узнаешь этого, не порадуешься. Но я клянусь твоей святой памятью, что отныне и до тех пор, пока хоть один фашист останется на земле, только страсть возмездия будет владеть мною, и если мне суждено погибнуть, то пусть погибну, увидев смерть того, последнего, фашиста...»

Еще какое-то время Виктор смотрел на испещренную снарядами букв страницу, руки его дрожали. Потом сложил все в папку с надписью «Золотистый головастик» и отправился звонить в диспетчерскую по поводу своей очереди на дежурство.

И СНОВА ТРИНАДЦАТОЕ

В сумерках за смежной стеной разливались звуки фортепьяно. Кто-то играл Бетховена, выманивая луну, и она зависала над двором до самого рассвета. Когда пианист переехал, со двора улетучилась музыка. Вместо нее иногда включали транзистор, но это уже было не то. Под транзистор нельзя было мечтать, и вообще он только разрушал задумчивую атмосферу вечернего дома, вытравливал романтику заката.

Вечерами все накопленное в тайных уголках двора с виноградными лозами заглушалось трескотней телевизора. Казалось, дом срастался с улицей, а улица со страной, ломая границы личного. Внешний мир беспардонно вкатывал в комнаты каким-нибудь трактором, вещая нечто героическое, не имеющее отношения ни к уюту, ни к вечерней сосредоточенности дома, ни к внутренней жизни его жильцов. Только море оставалось прежним: вдумчивым, строгим, смывающим сиюминутность.

12 января 1972 года было теплым и солнечным. Накануне прошел дождь, но с утра было хорошо. Ничего не предвещало перемен, тем более трагических. А они тайно зрели в чреве небес, подготавливая самое масштабное кораблекрушение у берегов Одессы.

Виктор отправлялся в порт на очередное дежурство. Отправлялся из дома, в котором ничего уже не согревало, в котором стояла мебель среднего роста с двумя красными низкими креслами и громоздкий приемник с магнитофоном из прошлого десятилетия.

К полудню задул норд-ост, и уже через пару часов тонкий ледок прихватил оставшиеся кое-где лужи.

Виктор прибыл на лоцвахту в 17.00 и планировал быть на рейде через два часа. Теплоход «Брацлав», который он должен был ввести в порт, задерживался — все никак не мог выйти из Ильичёвска. Ветер крепчал, и с ним уходило тепло, запрятанное в каменных и бетонных стенах города, в спящей земле.

Виктор вышел на причал, и сразу лавина морозного ветра набросилась на него. Ого! Шторм разыгрывался не на шутку!

К причалу подходил лоцманский катер. Надстройка и борта его покрылись льдом. Он выходил на рейд снять лоцмана с прибывшего из Херсона судна.

«Брацлава» все еще не было, он опаздывал на несколько часов, и только в десятом часу пришел на рейд.

Виктор снова все проверил — вещи в портфеле, документы оформлены — и вошел на лоцбот. Илья, старшина лоцбота, завел двигатель, и катер отошел от третьего причала.

— Сомневаюсь, удастся ли вам высадиться, — сказал Илья, приближаясь к воротам.

И действительно, не успел нос катера высунуться за ворота порта, за маяк, как потоки воды стали заливать палубу, лобовые стекла и надстройку. Вода, замерзая на стеклах, закрыла все впереди. Не видно было ни огней судов, стоящих на рейде, ни Воронцовского маяка, ни берега. Катер швыряло с борта на борт, он зарывался носом в волны.

— И не думайте сейчас высаживаться, — отрезал Илья, обернувшись к Виктору.

Виктор не сопротивлялся. Особого желания высаживаться у него не было. При такой погоде не только без ног — без головы остаться можно.

Уступая настоянию ветра, катер развернулся и направился в порт.

До утра Виктор прождал в лоцманской, а утром позвонил в метеослужбу. 13 января встретило их швальным ветром: ветер NNO — восемь баллов, температура воздуха минус девятнадцать градусов. Лоцман Пантак пошел выводить «Моздок» из порта. Судно было готово еще в три часа ночи, но капитан в такую погоду отказался выходить из порта. Он шел первый рейс капитаном и не хотел рисковать.

Резкое похолодание вызвало сильное парение моря. Когда температура падает постепенно, то парение небольшое. Здесь же буквально из моря выросла высокая густая стена тумана высотой тридцать-пятьдесят метров, и даже сильный ветер не в силах был развеять ее. Видимости никакой. Или, как говорят моряки, видимость ноль.

В то же утро болгарский танкер «Лом» запросил разрешение на вход в одесский порт, но его известили о том, что фарватер занят сухогрузом «Моздок», выходящим из порта. Ситуация усугублялась тем, что на танкере не работал локатор и вместо этого пользовались эхолотом.

Из дневника

13 января. 11.00. Я поехал домой, чтобы одеться потеплее.

* * *

Вот слышу по двору его шаги. Торопится. Не может быть! Неужели отменили вахту? Дом обложен снегом, и улица, и город, и море где-то сверкает во льдах. Боль в горле почти проходит. Сейчас будем пить чай крепкий с медом и читать вчерашнюю книжку... Или нет — лучше забраться в постель, закрыть глаза и слушать что-нибудь из его детства.

— Я на минутку. Только переоденусь. Ну, как ты, доча?

Теплый свитер набрасывается на него, как мохнатый зверь, и крепко обхватывает со всех сторон.

— Как ты?— повторяет он и прикладывает ладонь к моему лбу. — Ну, уже совсем хорошо. Завтра будешь здоровенькая. Доча, я побежал.

— Папка, стой! Посиди немножко, ну хоть полминуточки!

— Ну вот! — он смеется, и усаживается на край постели, и никогда уже не уходит.

Несется жизнь, под напором времени образуя трещины в зданиях и людях, — там просвечивает пустота безжизненного пространства — а мы все сидим на краю про-

шлого и настоящего, и дом слегка покачивается, как корабль, который вот-вот уйдет в поднебесное плавание.

* * *

С тяжелым сердцем возвращался он на службу. Непогода разыгрывалась не на шутку, неизвестно, как судно вводить в порт в таких условиях. Сколько еще придется провести времени в лоцманской? Волновала и судьба «Моздока»: как назло, шторм усиливался, словно решив устроить новоявленному капитану боевое крещение. Такого здесь давно не бывало. Нарочно не придумаешь... Отправился в свой первый рейс капитан, с семьей распрощался, а на него такое чудовище обрушилось, которое смирить и опытному капитану не всегда под силу. Ко всему еще и тринадцатое по календарю...

Виктор невесело усмехнулся. Какой-нибудь поднаторевший редактор или критик уж точно упрекнул бы его в надуманности сюжета, напиши он такое. А жизнь не упрекнешь... Она такие фортели иной раз выбрасывает, что самый дивный приключенческий роман блекнет по сравнению с ней. И сколько уже этих проклятых тринадцатых было, и всякий раз моряки их опасались, а ведь не дети! Господи, хоть бы все обошлось!

Из дневника

Ровно через 40 минут он прибыл на лоцвахту. Там его ждало страшное сообщение: «Моздок» столкнулся с болгарским танкером «Лом». Танкер врезался в правый борт теплохода и разрубил чуть ли не на половину ширины его корпуса. На «Ломе» произошел взрыв, в результате которого погибли все люди центральной надстройки — девять человек. 13 января в 11 часов 20 минут, при двадцатиградусном морозе и штормовом ветре, когда с мостика не видно было и бака, танкер сбился с курса и на полном ходу, блуждая, врезался в теплоход, взорвался сам и стал тонуть, увлекая за собой свою жертву. И это в то время, когда в лоцатор «Моздока» постоянно наблюдали за движением «Лома»! Видели и шли на роковую встречу.

* * *

Взрыв потряс город и мощно подбросил вверх образ нашей последней встречи. В памяти бешено перелистывались в обратном порядке страницы недочитанной книги. В домах на берегу повыбивало стекла. Город оцепенел. Остановился транспорт, замерли прохожие, в окнах застыли школьники...

Первая мысль — о войне. Но это предположение никто не высказал вслух. Все ждали официального оповещения. Слух о том, что что-то произошло в порту, разнесся почти мгновенно, но эти мгновения были равносильны вечности. Те, в чьих семьях не было работников порта, вздохнули с облегчением. Остальные затаились в ожидании известий.

А в штормовое море вышли уже суда и спасатели. Первым к месту аварии прибыл дунайский буксир «Оперативный». Благо столкновение произошло не в открытом море, а недалеко от порта — всего в четырех с половиной милях от Воронцовского маяка. Следом за «Оперативным» подоспели и другие буксиры, но их попытки сдвинуть с места столкнувшиеся суда, разъединить их, отвести «Моздок» на мелководье были безуспешными: затонувшая средняя часть танкера «Лом» удерживала их, как якорь.

Тем временем на «Моздоке» появился крен и увеличивался с угрожающей скоростью. Семь, двенадцать, пятнадцать градусов... Превозмогая штормовое сопротивление волн, «Оперативный» подошел и снял с «Моздока» тридцать четыре человека. Остальные, кроме одного, выпрыгнувшего за борт при столкновении, оставались на судне. Тело этого моряка обнаружат только через полтора месяца у берегов Румынии.

* * *

«Лом» горел, и моряки, оказавшиеся в капкане из двух стихий, делали все возможное, чтобы прорваться из адского окружения. Наконец ценой невероятных усилий, лавируя между бешеной качкой и бушующим пламенем, удалось спустить шлюпку, и двенадцать человек покинули танкер.

Из дневника

Какое страшное совпадение: в этот же день, 13 января 1964 года утонула «Умань», ровно восемь лет назад.

Ветераны флота помнят, как горестно в феврале во Дворце моряков на Приморском бульваре оплакивали пять членов команды этого теплохода.

«Умань» отвечала всем стандартам судоходства и считалась абсолютно надежной, когда затеяли эксперимент по перевозке на ней железорудного концентрата. В этом концентрате все дело и было. Мистика тринадцатого схлестнулась с халатностью, и все обернулось трагедией. Вопрос, как талая вода воздействует на нижние слои наваленного в трюмы концентрата, сознательно обходилась стороной. В Черноморском пароходстве (ЧМП) было достаточно технически грамотных специалистов, понимавших рискованность подобной транспортировки руды из северных вод через южные. Понимали, но помалкивали под прикрытием воинствующей безалаберности министерского начальства, а затем и начальства ЧМП. И как факт — при выходе в Кадисский залив в трюмах «Умани» твердый концентрат был превращен образовавшейся водой в текучую тяжелую массу, сместившуюся в результате качки к правому борту. К полуночи крен составлял уже десять градусов, а через час увеличился до семидесяти, и сразу же заглох двигатель...

Между тем «вся Одесса говорила» о том, что был второй помощник, который предвидел аварию и предупредил капитана о возможной трагедии. Но это был не Бабицкий, ставший «вторым» буквально в день отхода из Туапсе, а Анатолий Топор. Он подал рапорт об отказе идти в рейс, проявив редкую для тех лет принципиальность. Если бы его слова не оказались пророческими, его наверняка бы заклеили как человека, недостойного звания советского моряка, закрыли бы визу. Но его просто тихо уволили.

Сам же Бабицкий был смыт в ту ночь в море с навигационной палубы, куда поднялся, чтобы выполнить приказ и найти сигнальную пиротехнику. Выпустить красную ракету ему уже не удалось. Благо спасательный круг держал его на воде. В это время теплоход уже начал погружаться, чтобы исчезнуть навсегда. Но перед этим на отваливавшейся мачте уже обесточенной «Умани» странным образом сработал тифон. Он оказался прощальным гудком. Из тридцати восьми человек команды погибли четырнадцать. Тела пятерых из них были найдены. Остальных навсегда поглотила пучина.

Такова трагическая история «Умани», дух которой витал над новой разыгрываемой трагедией у берегов Одессы. Борьба за жизнь людей на тонущих судах продолжалась. Еще одиннадцать человек было снято «Зоринском» с «Моздока». Оставалось пятеро: капитан, старший механик, второй механик, электромеханик и матрос. Разделят ли они судьбу своего судна или воссоединятся с товарищами на берегу?

Шторм усиливался, в машину стала поступать вода, крен увеличился. Через два часа он достиг пятнадцати градусов. Затушили котел. Это означало, что машина не могла быть пущена.

Тем временем к гибнущему танкеру «Лом» подошел спасатель «Атлант», шлюпку с «Зоринска» принял буксир «Ударник» и пересадил людей к себе.

С «Моздока» пятерка моряков напряженно следила за работой спасателей. Судно было на грани затопления. Оставалось буквально несколько минут. За все это время никто не проронил ни слова, все были в полной готовности... К чему?

Наконец показался буксир «Березань». Преодолевая встречный ветер, он в считанные минуты достиг «Моздока» и снял оставшуюся команду.

Почти тут же оба судна стали погружаться в воду. Их даже и не пытались спасти.

* * *

Он вернулся домой, как возвращаются с обыкновенного дежурства, и рухнул на диван в надежде забыться. Но сон не приходил. Дающее крен судно, бушующая бездна ледяного смертельного моря и ожидающие своей участи люди вновь и вновь возникали перед объективом памяти, навязчиво прокручиваясь в мозгу вместе со свистом ветра, ревом взбесившегося моря, скрежетом плавучих льдин. Тридцать лет назад здесь вот так же ревела война, в тех же водах, и вот так же взрывались корабли, унося жизни чьих-то детей, отцов и мужей. Но тогда враг был иноземным, по нему нещадно палили, от него защищали... А теперь? От кого теперь защищать? По кому бить? Нет, этот враг почище иноземного! Не изгнать его, не восстать против него — нет такого ополчения против засилья отечественных разрушителей, действующих вопреки доблести, чести, вопреки всему, за что многие жизнь положили.

Самое обидное, что ведь сами моряки рисковали, не задумываясь, и выходили на своих старых суденышках на помощь тонущим кораблям, как, например, ледокол «Сибиряков». Несмотря на свой почтенный возраст, он мог бы развить тринадцать с половиной узлов, если бы поддерживался в исправном состоянии и был укомплектован квалифицированными кадрами. Только за шестьдесят-восемьдесят рублей в месяц найти хороших специалистов, не стремящихся перейти на новые суда, — задача невыполнимая. Поэтому здесь и собрались в основном люди предпенсионного возраста, штрафники. А капитан был замечательный! Энтузиаст! Высокий, здоровый, костюм на него можно было только на заказ сшить, ибо семьдесят второго размера одежды отечественная промышленность не выпускала. Честный был человек и целеустремленный. В молодости ему случилось плавать на судне, где собрались все его однокурсники, и человека четыре товарища занимали должности от капитана до третьего помощника. Тогда-то Алексей Иванович, назначенный капитаном, предложил остальным всю полученную зарплату складывать и делить поровну. Так и работали. Окончив морской техникум, он получил звание лейтенанта запаса, а после военной службы и окончания войны вышел в запас старшиной первой статьи.

Воспоминания не давали уснуть. Виктор поднялся с дивана и записал:

Из дневника

14 января

... И все же снова «Моздок».

Непонятно, странно и в высшей степени удивительно. Огромный спасательный флот, мощные современные суда, шесть часов тонули два судна, и никаких, буквально никаких мер по их спасению или уменьшению последствий катастрофы не было принято.

Впрочем, каждый, задавшийся тем же вопросом, сам же на него и ответил спустя какое-то время. Столкновение кораблей влекло за собой еще более ужасные последствия, о которых пока что велено было молчать. Дело в том, что затонувший «Моздок»

был бомбой замедленного действия. В его трюмах находилась девятьсот двадцать одна тонна химикатов, почти половина из которых — ДДТ. Разгерметизация этого груза неизбежно привела бы к экологической катастрофе, поэтому судну дали возможность затонуть, чтобы дождаться лучших времен.

Начальство не хотело шумихи. Все должно было быть шито-крыто. Любые оперативные действия с включением современно оборудованных судов-спасателей сразу бы привлекли внимание к масштабности катастрофы. Пришлось бы весь флот на ноги поднимать, тревогу бить, прилюдно разрабатывать специальную стратегию по спасению судна с ДДТ. Все бы моментально просочилось в прессу, за рубежом бы подняли шумиху... Честь мундира пытались сберечь. А то, что весь город с пригородами, все побережье были тайно поставлены под угрозу, пока никого не волновало.

Переутомление все-таки одержало временную победу над возбужденным сознанием, и он отключился на какое-то время, укрывшись тулупом. Снилось израненное море, оно кровоточило ядами, переворачивались вверх брюхом корабли...

* * *

Но с «Моздока» только все и началось. Непогода раскручивалась, лопались струны метельных скрипок, и пурга в бешенстве ломала смычки веток, режущих стеклянный воздух. Море превратилось в ледяное изваяние с застывшими гребнями волн.

23 января, ровно десять дней спустя, Виктор был брошен на проводку судна «Аркадий Шиманский». Судно нужно было вести в Николаев, и он попадает в море, скованное льдом.

Лед был от самой Одессы. Виктор вышел из порта в половине десятого вечера и беспрерывно шел в Николаев, если это можно было назвать движением: шесть минут хода, полчаса очистки кингстонов. Весь рейс туда занял в общей сложности сутки. Потом нужно было продвигаться назад, а ненастье усиливалось с каждым часом. В море уже застряла масса кораблей. Впервые за многолетнюю историю плавания в этой зоне срочно вызвали ледокол.

Наконец прибыли в одесский порт. Но о передышке можно было только мечтать.

— Пойдете на проводку застрявших судов, — приказало начальство, как только Виктор переступил порог лоцманской.

У него была пара часов, чтобы собрать вещи и попрощаться с семьей. Понимал, что разлука может быть длительной, и даже очень. Лучшие силы были брошены в море, а у него за все время работы не было ни одной аварии. Кто морское дело знает, тот понимает, что сие означает. Таких профессионалов единицы, и вместе с лаврами им достаются и тернии, как сейчас, например.

Дорога домой была длинной. Виктор добирался пешком, поскольку транспорт не ходил, и только ветер нещадно подталкивал хватающихся за столбы и балансирующих на льду редких прохожих.

Наконец добрался. Двор мрачно глянул на него сквозь залепленные снегом окна и погрузился в прежнюю хмурость. Тишина, не свойственная одесским дворикам, проводила его до самого крыльца. Виктор поднялся по лестнице и отпер входную дверь.

Ляля даже поначалу и не поняла, что он ненадолго. Поставила чайник на плиту, пожевываясь — отопление работало слабо, — и пошла накрывать на стол. Виктор проверил колонку, быстро увеличил отопление и побежал складывать вещи, бросив на ходу:

— Ужинать не буду, нас в лоцманской покормили.

— И чаю не будешь?

— Горячего чаю, пожалуй, выпью, — сказал он, захлопывая плотно набитый вещами портфель. — Мне на дежурство сегодня в ночь.

— Как на дежурство? Ты ведь только отдежурил?
— Отдежурил. А теперь снова нужно идти.
— Совести у них нет! Ты ведь даже не отоспался! А погода какая жуткая! У них что, кроме тебя, больше никого нет?
— Есть, но все ушли на фронт, — хмуро отшутился он.
— Ну знаешь ли, твой начальник — большая свинья...
— Ляля, погоди, — он порывисто притянул ее к себе одной рукой. Прилив благодарности за эти слова овладел им. Значит, волнуется, значит, не безразличен он ей. Любаша уже спала в другой комнате.
— Береги себя... и ее... Если что, к Жене обратись.
У Ляли мгновенно сбежала кровь с лица, и оно стало снежно-мраморным.
— Что ты имеешь в виду?
— Ну, вдруг задержусь... там льдов намело, пароходы медленно двигаются... Она смотрела на него во все глаза, будто впервые увидела его за столько лет совместной жизни.
— Ну я побежал, — сказал он, чмокнув ее в каменную щеку.
Она не двинулась, оцепенев от услышанного.
Он быстро прошел по коридору, запер за собой дверь на ключ, сбежал с полутемной лестницы и вышел в ночь.

* * *

Из дневника

28 января в полночь «Рекорд» вышел за маяк и дальше двигаться не мог. «С. Эйзенштейн» подошел к нему, и я высадился на судно. Лед от Одессы сковал море на 8—10 миль. Вдоль берега до Карабугаза всюду лед. «Ейзенштейн» (2900 л. с.) с трудом пробивался, атакуя лед с разгона. За вахту с четырех до восьми утра прошли 7 километров. Дигуладзе Зураб перенес инсульт.

Это случилось к вечеру. Старпом Дигуладзе вдруг почувствовал себя неважно, и хотя поначалу не подавал виду, сослуживцы вскоре заметили странную бледность и выступивший на лбу Зураба пот. На вопрос, как он себя чувствует, Зураб попытался ответить, но язык его не слушался. Он осел на пол, и его перетащили в медпункт на кушетку. Там врач обследовал его и сказал, что это инсульт, но не обширный. Зураб беспомощно оглядывал товарищей, силясь что-то произнести.

Капитан наклонился к нему и похлопал ободрительно по плечу.

— Не беспокойся ни о чем. Все будет в порядке. Довезем тебя в целости и сохранности. А может, и раньше оклемаешься. Тогда сразу к нам выходи на подмогу. Договорились?

Зураб кивнул, и что-то наподобие улыбки мелькнуло в его глазах.

Из дневника

29 февраля

Тяжелый лед. Ломов Анатолий вышел на ледоколе «Русанов». Пришли в Херсон ночью в 1.00.

С трудом прибился буксир, чтобы высадить комиссию и снять Виктора. Зураб к тому времени уже действительно пришел в себя, и речь вернулась к нему. Это было своего рода чудом, но в этих экстраординарных условиях чудом казалось все.

Двадцать лет не было здесь такой суровой ледовой обстановки. Скованные льдины достигали шестидесяти-семидесяти сантиметров в толщину. Встречались наторошенные перемычки, где торосы поднимались до двух метров. «Русанов» такие перемычки едва-едва форсировал, постоянно застревая, а когда наглухо приваривался ко льду, включал креповую систему, раскачивался, разрушая ледяные объятия, отходил назад и вновь вгрызался в лед. Час за часом, день за днем.

Из дневника

За ночь пройдено 2 мили, а ночь зимняя, длинная. Во льду застряли десятки судов. У одних кончилась вода, у других топливо. «Съеден последний сухарь», — вопит радиোগрамма с третьего. Всем нужно помочь дойти до порта, ввести в порт.

* * *

Так надолго он никогда не уходил на дежурство. Сколько его не было? Неделю? Две? Тревога нарастала с каждым днем, и известия ничего хорошего не сулили.

Казалось, льды подступили и к дверям домов, грозя раздавить их, как скорлупу. И Ляля с соседями прислушивалась в сумраке вечера к скрипу половиц в надежде различить знакомые шаги.

Когда же? Когда?

* * *

Он приехал рано утром и, прямо как был, в тулупе, обнял спавших вместе женщин. Любаша проснулась от ощущения его холодной щеки.

— Колючий, — прошептала она спросонья. — А мама плакала вечером, я видела.

— Ничего ты не видела, — сказала Ляля дрогнувшим голосом.

— Видела, видела, я все видела... Папка, ты теперь с нами...

— С вами, конечно, с вами. — Он погладил ее по голове. — На этот раз только со-сульки в подарок принес...

— Я сейчас завтрак приготовлю. А ты раздевайся, грейся, — заторопилась Ляля, набрасывая халат, — пойду напеку оладушек.

— Ура! Оладушки! Папка, раздевайся скорее! Я так давно не ела оладушек. Целых две недели!

ПРОЩАНИЕ С САДОМ

Морю было тяжело. Вот уже два года покоился на дне его корабль, начиненный смертоносным грузом, торчала из вод его труба, и проходящим судам казалось, будто он дышал через нее, как ныряльщик. Сердце сжималось у Виктора всякий раз, когда он проплывал на катере мимо этого места. Сколько же будет лежать он, подвергать опасности город, напоминать о трагедии и беспомощности властей? Ах, Одесса! Была ты жемчужиной у моря, а теперь...

В порту стали поговаривать, что «Моздок» собираются поднять со дна и ввести в порт. Подготовка по извлечению грузов началась еще в апреле 1972-го. На корабле находилось много оборудования, включая трансформаторы, электродвигатели и пр., и пр. Всего около трехсот видов груза. Но самым опасным грузом были ядохимикаты. Они должны были оставаться на корабле вплоть до подъема судна.

На берегу резвились дети, плескались подростки, красиво подставляли солнцу свои тела пляжницы, а море исподволь готовило секиру для всех — для них и для будущих поколений. Вытравят, срежут на корню город и пригороды, упрячут в больницы смертельно больных, и все им сойдет с рук, думалось Виктору, наблюдавшему эту картину.

* * *

Было рассмотрено три варианта подъема судна. Первый предполагал подъем без разгрузки. Этот вариант был наиболее громоздким, поскольку требовал переоборудования танкеров для подъема и вывода их из эксплуатации на длительное время.

Второй вариант предусматривал предварительную разгрузку трюмов с последующим подъемом его понтонами — специальными приспособлениями из надувных резиновых шаров. Но для этого потребовалось бы снять примерно двадцать пять метров носовой части танкера «Лом», мешавшего размещению понтонов.

Третий вариант был наиболее приемлемым. Он включал в себя частичную предварительную разгрузку некоторых трюмов с применением шести пар четырехсоттонных понтонов и заполнением очищенного пространства гранулами пенополистирола. Это был самый экономный способ, сокращавший объем работ почти на сорок процентов. Он также давал возможность за два рабочих сезона провести и грунтоуборочные работы, необходимые для применения понтонов. Использование же пенополистирола позволило еще и сэкономить на судоподъеме несколько сот тысяч рублей. Кроме того, существенно сокращались работы по подъему носовой части «Лома».

Третий вариант был принят единогласно.

Как только район гибели судов очистился ото льда, начались работы по их подводному обследованию. Одновременно с этим были разработаны предварительные меры по предотвращению загрязнения моря нефтепродуктами.

Работы были завершены 10 сентября 1973 года.

* * *

Единственный вопрос, который оставался нерешенным, касался ввода затонувшего судна в порт. Как он будет осуществляться? Задача не из простых...

Виктор подолгу разглядывал торчащую трубу в бинокль, раздумывал над чем-то, высчитывая, рисуя схемы в блокноте. Как-то после очередной вахты он зашел в управление портовой службы и направился прямо в кабинет к начальнику пароходства.

— Вы куда, Виктор? — спросила для порядка секретарь Валюша.

— У себя? — вместо ответа осведомился Виктор, кивнув на дверь.

— У себя. — Валюша кокетливо взглянула на красавца лоцмана, хлопнув наклеенными ресницами.

— Так я зайду, ладно? — улыбнулся Виктор.

— Да идите уж, что с вами делать! — Валюша растаяла, ответив ему очаровательной гримаской.

Виктор легонько толкнул массивную дверь и остановился на пороге в ожидании приглашения.

— А, Виктор, проходи! — приветливо поднялся ему навстречу Лукьяненко. — Присаживайся. Ну-с, с чем пожаловал?

— Да слышал я, что у пароходства есть планы «Моздок» поднимать.

— Планы такие есть. А почему интересуешься?

— А как судно провести в порт, уже решили? — ответил Виктор вопросом на вопрос.

— Пока нет. Есть идеи?

- Да есть вроде...
- Виктор взял со стола листок бумаги и быстро начертил схемку.
- Вот так. Сюда привариваем мостик, и с него лоцман может совершить проводку в порт.
- Как, прямо к дымовой трубе привариваем?
- Прямо к трубе.
- Интересно. Но рискованно.
- Если все правильно рассчитать, то риск небольшой. Уж во всяком случае, несравнимо меньший, чем держать судно под водой...
- Оба на минуту замолчали, понимая, о чем шла речь. Если бы не химикаты, никто бы не стал тратить ресурсов на подъем затонувшего судна. Мало ли их тут в округе!
- Ладно, — прервал наконец молчание Лукьяненко. — Оставь свой листок и иди пока, а я обдумаю твое предложение, обсужу с коллегами.
- Они обменялись рукопожатиями, и Виктор направился к выходу.
- погоди! — окликнул его Лукьяненко. — А сам на мостик встанешь, если утвердим твой план?
- Так я же под себя схемку подбивал, — широко улыбнувшись, ответил Виктор.

* * *

Первая половина августа выдалась жаркой. Солнце лютвало с раннего утра, сжигая листву, траву, спины и носы курортников и превращая песок в адскую жаровню. Пройтись по нему без обуви было все равно что пробежаться по горящим углям. Мальчишки вприпрыжку мчались с букетами эскимо на палочке для всей семьи — только они и отваживались проскакать босиком до тачки с мороженым.

Виктор сделал несколько заплывов к волнорезу и обсыхал в тени. Пляжиться он не любил, да и времени не было. Нужно было готовиться к предстоящей операции по поднятию «Моздока». Его предложение было обсуждено на тесном совете, затем он был вызван на совещание, где отвечал на вопросы специалистов, уточняя детали, и в конце концов его предложение утвердили.

Поднятие «Моздока» было назначено на вторую половину августа. День и ночь велись подготовительные работы с водолазами, технологами и целым штатом других специалистов. Центральный пост управления (ЦПУ) судоподъемом решено было соорудить на завершающем этапе работ прямо на дымовой трубе теплохода, как Виктор и предложил. Это позволило почти в полтора раза сократить длину продувочных шлангов, идущих от станции управления к отсекам понтонов и балластным отсекам судна.

Несколько раз Виктор навещался к месту поднятия, смотрел, как завозили детали, расспрашивал и даже сам давал кое-какие советы. К его слову прислушивались, и если нужно было, кое-что меняли в соответствии со спецификой, которую в тонкостях мог знать только лоцман.

Оставалось чуть больше недели до назначенного срока.

Как все пройдет?

Виктор отряхнул песок с подстилки и направился к лестнице.

Дома его никто не ждал, кроме соседей. Ляля должна была быть на работе, а Любаша в лагере — отдали ее туда до конца августа. Не слишком уж она была рада этому, но другого выхода не было, поскольку Калараш, куда она обычно ездила на каникулы, отменился. У Михаила Захаровича обнаружили полип в мочевом пузыре этой весной, и Ляля настояла на операции. Нашли хорошего специалиста в Одессе, и сейчас тесть пребывал в послеоперационной палате вместе с супругой.

Виктор думал о том, что Надежда Константиновна частенько пилила мужа, приди-
ралась по пустякам. Наверное, теперь ее гложет раскаяние... Он невольно перекинул
ситуацию на себя. Вот лежит он, не дай бог, на больничной койке, а рядом его кающа-
яся Магдалина. Жизнь прожита, ничего не изменить... М-да, невеселенькая перспек-
тива. И кому нужно это осознание сделанных ошибок, когда все уже позади и попра-
вить ничего нельзя?

Незаметно он дошел до дома, поднялся по свежевывымытой лестнице (Виктория Ефи-
мовна нанимала женщину, которая мыла полы раз в две недели). Собирался уже бы-
ло отпереть ключом дверь, как его тезка сама отворила ему.

— Спасибо, — поблагодарил Виктор соседку, направляясь к себе.

Виктория тронула его за рукав, удерживая.

— Пойдите, погодите... Там Ляля домой пришла...

— Домой пришла? А что произошло? Почему так рано?

— Ее срочно вызвали в больницу утром. Дело в том, что Михаил Захарович скончался...

Виктория понизила голос и отпустила его.

— Боже мой... — протянул Виктор, глядя на нее и не понимая, что с этой вестью
делать.

— Да, вот так... Послеоперационный инсульт. Говорят, молодой врач резко потянул
его при осмотре, сорвался тромб, и он тут же скончался... Ну, идите к Ляле. Надежда
Константиновна осталась в больнице документы оформлять.

Виктор осторожно, почти на цыпочках, двинулся по коридору. В маленькой при-
хожей, которая также играла роль ванной, свет не был включен. Он на ощупь нашарил
ручку двери, ведущей в комнату.

Ляля сидела на диване, уставившись в одну точку.

— Ляленька, я все знаю, — сказал он ей еле слышно. — Прими мои соболезнования...

Она не шелохнулась.

Они просидели несколько часов молча, не шевелясь, пока солнце не стало уходить
за крышу соседнего дома.

— Это все я, — тихо произнесла она. — Я убила его.

— Ляленька, что ты такое говоришь?

— Если бы я не настояла на операции, он был бы жив, — сказала она, не обращаясь
ни к кому.

— Это еще неизвестно. Ты ведь хотела как лучше. И доктор сказал, что была угроза
перерастания полипа в злокачественную...

— Я убила его, — прервала она Виктора. — Убила.

Виктор попытался обнять ее. Она сидела прямо, совершенно прямо, будто к ее спи-
не была привязана доска, и его рука скатилась с нее, как волна с утеса.

— Уйди. Ты мне сейчас не нужен. Мне никто не нужен, — сказала она, не меняя по-
ложения и глядя куда-то в пространство.

* * *

Похороны были в Калараше.

Приехала уйма родственников, пришли соседи и сослуживцы, все те, с кем Миха-
ил Захарович некогда весело распивал вино за столом, шутил и балагурил. Стол вынес-
ли в сад, и на нем теперь лежало его восковое подобие, ничего не понимающее, нико-
го не узнающее и не имеющее никакого отношения ни к саду, ни к птицам, любопыт-
но вспархивающим на гроб, ни к абрикосовым деревьям, по которым ползали пчелы,
вынюхивая нектар. Оно было чужеродным на этом пиршестве лета, и его хотелось по-
скорее вынести куда-нибудь и заменить на что-то настоящее, соответствующее жизни.

* * *

— Все спрашивали, где же Люба, почему не приехала на похороны дедушки, — сдавленным голосом выговаривала Виктору Ляля, когда они вернулись с кладбища. В соседней комнате закопошилась Надежда Константиновна, всхлипывая.

— Зачем ты так? — попытался успокоить ее Виктор. — Любаша сейчас в лагере. У нас не было даже возможности подготовить ее, а вот так — бухнуть новость о смерти дедушки — нельзя...

— Ты всегда пытаешься оградить ее от всего. Вырастил эгоистку... Ничего ей не дорого.

— Ну знаешь ли!

Он выскочил из дому и пошел по темнеющей пыльной тропинке.

Вот тут они прогуливались вместе в тот последний вечер их первого знакомства. А вот и скамейка, на которой он сделал ей предложение. Скамейка потрескалась от времени, слегка покосилась на оседающем склоне. Виктор присел на краешек, прикрыв глаза.

Запели сверчки, воздух наполнился дребезжанием снующих ночных насекомых, словно расписными веерами, обмахивались крыльями великосветские бабочки. «Все это было до меня и будет после, весь этот дивный мир, на который не хватает времени в этой распланированной человеком сиюминутности. Так и уйдем, не открыв самого главного — этой породившей нас вечности, этой тайны, этой ... Вот и я заговорил, как Андрей Болконский после ранения. Эх, Лев Николаевич, Лев Николаевич, и где сейчас душа ваша бессмертная обитает?»

НА ТРУБЕ

Наступил долгожданный день. С утра светило солнце, но не болезненное, не жгучее как раскаленный медный пятак, а спокойное и ласковое, словно умудренное опытом. Солнце, свойственное второй половине августа.

Все было готово к проведению затонувшего судна в порт. Грунтоуборочные работы, начатые в августе 1973 года, были завершены в апреле 1974-го, а полностью весь комплекс подготовительных работ для подъема — 13 августа, то есть за триста десять дней. Ранним утром Виктор шел по бульвару — белая рубашка с короткими рукавами, на которой поблескивали черные погоны с золотым галуном, белая фуражка... Он шел и думал о том, как настойчиво следует за ним по пятам эта цифра тринадцать. И даже триста десять дней отвечивали ее зеркальным отражением.

За триста десять дней были подготовлены и оборудованы для продувки воздухом двенадцать междудонных отсеков сухогруза. А главное — в течение этого времени одесситами было сделано несколько важных изобретений. Прежде всего, специалистами Черноморского отряда была разработана технология применения полистирола. Этот метод был успешно апробирован в ноябре 1972 года. Кроме того, под полистирол, который обеспечил создание подъемных усилий в количестве пяти тысяч ста тонн, потребовались специальные крышки оригинальной конструкции. Крышки были изготовлены на Одесском судоремонтном заводе, и авторы оформили заявку на изобретение. Также на уровне изобретения прошла опытную проверку и герметизация района повреждения, сопровождавшаяся одновременным восстановлением прочности разрушенных конструкций корпуса.

* * *

Порт был оцеплен милицией, и внутри оцепления все было запружено работниками, журналистами и пробравшимися туда спозаранку зеваками, которые хотели быть

очевидцами этого грандиозного события. Виктор сразу заметил начальство, которое стояло поодаль, включая и начальника порта. Всех фотографировали, но он быстро прошел мимо и направился прямо в лоцманскую. Там его уже поджидал катер.

Виктор поздоровался со старшиной лоцбота, и до самого места высадки они не обменялись ни словом. Каждый ощущал ответственность момента и готовился к нему.

На горизонте посверкивал приваренный к трубе мостик. Через несколько минут ему предстоит на него взойти.

Из дневника

18 августа 1974 года. Я поднимаюсь по штурмтрапу на трубу... да, на трубу теплохода «Моздок»! Собираясь на «Моздок», находясь на «Онеге», где следили за всплытием затонувшего судна все начальство: и Третьяк А. Г., и Водопьянов В. В., и даже начальник пароходства, и корреспонденты металась в поисках интересного факта, я сказал, что такого еще в мире не бывало — лоцман на трубе. Кто-то из корреспондентов вынюхал это и, перефразировав, поместил в свою статью. 40 часов на трубе!

Сорок часов... Он почувствовал себя почти Моисеем, с той лишь разницей, что сорок лет трансформировались в часы. Он вызволял корабль, словно это был корабль его юности, с девушкой, которую он так и не успел спасти. Казалось, весь его жизненный путь был движением к этим сорока часам. Никогда не забудет он того первого ощущения, когда корабль всколыхнулся под ним, точно оживая, и сама история заплескалась внизу, готовясь вынырнуть из глубин. День был ясным, видимость берегов — отличная, и невзирая на это, он взял в руки секстан. Прибор, рассчитанный на то, чтобы брать пеленги, то есть угол между ориентирами для определения курса, был явно не нужен для проводки. Но Виктор любил точность и конкретику, в особенности когда дело касалось определения местонахождения судна — профессиональная черта капитанов. С другой стороны, для него это событие было знаковым. Поэтому он не доверился чужим отчетам, а захотел установить подлинные координаты этой точки. Судно затонуло в четырех с половиной милях от Воронцовского маяка. Объектив секстана направлен был в сторону маяка — тоже белого и ослепительного, с сияющей медью колокола.

Порт замер. Не сговариваясь, люди прекратили движение, включая и непосредственных фоторепортеров. На миг побережье превратилось в фотографический снимок. Лучилась поверхность вод. В ореоле света плыла над их зеркалом белоснежная фигурка лоцмана. Он вел судно к берегам, воскрешая его к жизни и возвращая свету.

Его приветствовали пароходы и катера, он отдавал им честь, и моряки вытягивались по струнке, глядя на него в бинокль.

Кому-то удалось запечатлеть его издали с секстаном в руках, и этот единственный снимок с ним на трубе затонувшего судна спустя годы пришвартовался к его семейному альбому.

...На горизонте появились алые паруса заката и сопровождали корабль, пока он вступал в ночные воды.

Газета «Моряк», 1974 год:

ЛОЦМАН НА ТРУБЕ

— Я первый в мире лоцман, который ввел в порт судно, сидя на его трубе! — воскликнул лоцман Одесского морского порта. И это была сущая правда.

В чем дело? Зачем понадобилось взбираться на трубу? А как же обычное место лоцмана — капитанский мостик?

Труба в данном случае была удобнее мостика. Судно «Моздок» затонуло два с половиной года назад и только что поднято Одесским экспедиционным отрядом спа-

сателей. «Моздок» лежал на глубине 23 метров, лишь труба торчала над волнами. К ней спасатели приварили подобие мостика, на котором устроили пункт управления подъемными работами. И с этого же пункта, то есть с трубы, командовал лоцман при проводке «Моздока» в порт, к 39-му причалу.

И. Ляндрес

Лоцман на трубе... Это почти что скрипач на крыше. То же соло над миром, окруженным стихиями неба и вод, то же смешение улыбки и грусти в поступке, то же одиночество духа и объединение души со вселенной. Таким ты остался навеки в истории города.

Из дневника

Я еще не видел такой слаженной, спокойной, продуманной организации, всеобщего доброжелательства и временами юмора. Может быть, поэтому сложнейшая работа была так блестяще завершена. Никто не спал, уже не первую ночь, возникли непредвиденные трудности. Легкие водолазы, аквалангисты с яркими фонарями, приспособленными на маске, выглядели в воде фантастическими расплывчатыми существами. Следующим вечером «Моздок», покрытый толстым слоем ракушек, уже стоял у причала.

СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА

Ляля, чуть прихрамывая, вошла в дом. Давала себя знать давняя травма большого пальца правой ноги. Ей всегда хотелось купить обувь поизящней, а в такой обуви было мало удобства. Поэтому если мать доставала что-то по благу в Калараше, то это, как правило, чуть жало и травмировало больной сустав, хотя Ляля всякий раз надеялась, что туфли разносятся. Вот и сегодня еле дохромала до дверей — скорей бы переодеться...

На коммунальной кухне ее встретила мать, приехавшая погостить на пару недель. Пока дочь хромала по коридору, она успела сбегать в комнату и обратно с тапочками в руках.

— Давай, Лялечка, сумку, я тебе тапки принесла, переоденься, детка.

Ляля сбросила туфли прямо в коридоре, надела тапки и с облегчением направилась в комнаты.

В первой комнате было тихо и пусто, и из второй тоже не доносилось никаких звуков.

— А Люба где? — спросила она, заглядывая на всякий случай, во вторую комнату.

— К Жене побежала, — с нескрываемым сарказмом ответила Надежда Константиновна. — Выростила белоручку — целый день только и делает, что валяется на диване да книжку читает. А то, что уставшая мать домой с работы придет, ей невдомек. Хоть бы полы вымыла раз!

— Мама, перестань...

— Вот полюбуйся сама! — торжествующе воскликнула Надежда Константиновна, указывая на брошенную на диване книгу. — Даже не соизволила за собой книгу убрать! Все на мать оставляет.

— Мама, ну, хватит...

Надежда Константиновна удовлетворенно умолкла, понимая, что теперь Лялино раздражение перенесено на дочь.

Однажды проделав этот трюк и убедившись, что он работает безотказно, Надежда Константиновна повторяла его в разных вариациях. Ее интрижный ум, некогда помогший ей разбить сватовство Лялиного киношника, подсказывал, что раздражение дочери нужно направить на одного из членов семьи, чтобы она могла срывать на нем досаду.

Виктор не годился для этой цели — натравливать против того, кого она сама же и соевтала, означало бы вызывать огонь на себя. Кроме того, Надежда Константиновна прекрасно понимала, что лучшей партии дочь себе все равно не найдет: уважаемый человек в городе, капитан, красавец... Конечно, если бы не было у них детей, то все еще можно было бы переиграть. Но об этом было уже поздно говорить. А вот подправить кое-что всегда можно. Например, подросток, не обремененный семейными обязанностями, это идеальная мишень для коалиции с Лялечкой. В разработанной Надеждой Константиновной схеме отношений она сама была заряжающим, дочь играла роль пушки, а внучка, соответственно, мишени. Эта коалиция несколько укрепила отношения между матерью и дочерью и чуть подлатала трещину, образовавшуюся между ними с момента того рокового признания.

Любаша поначалу огрызалась, дерзила, но это было лишь поводом для жалоб и нового скандала. Так и не добившись справедливости, внучка, смекнув наконец, что к чему, решила поступать по примеру отца. Во время визитов тещи Виктор по большей части отсутствовал: брал дополнительные дежурства, подменял товарищей, а если случалось несколько вечеров кряду провести дома, то просиживал у соседей, распивая налибочку или что-нибудь покрепче с Исаем Семеновичем. Каникулы только начались, и Любаша проводила вечера с подругами, слушая пластинки и обсуждая новые фильмы, а домой возвращалась к последнему сроку — к десяти вечера. И сразу шла спать. В отличие от подруг, у нее был свой закуток с этажеркой, где стояли любимые книги — все-таки единственный ребенок в семье. У Ирки был младший брат, с которым она часто ссорилась, у Ритки и у Наташки — старшие сестры, которые давали им поносить свои старые туфли на каблуках или блузку. А у Любки — только книги и мечты.

Больше всего хотелось ей иметь старшего брата. Он бы и защищал ее, и на море с ней ходил, и мороженое покупал бы... И они бы никогда, никогда не ссорились!

* * *

Поход к тетке был всегда праздником. Любаша обожала Женю. И это было обоюдно.

— Кто пришел! — радостно воскликнула Женя, отворяя дверь, словно появление Любаши было сюрпризом. — Ну, проходи, племяшка!

— Как у вас хорошо, — со скрытой грустью приговаривала Любаша, снимая обувь. — Тихо, спокойно, никто не придирается...

— А кто к тебе придирается? — поинтересовалась Женя, словно не знала ситуации дома.

— Да бабушка...

— Ну, бабушка... Поворчит и перестанет. На то она и бабушка, — рассмеялась Женя. — А я тебе тут вкусенького приготовила.

Женя стала раскладывать приборы с салфетками, в то время как Любаша весело делилась с ней последними новостями. Школа уже была позади, впереди летние каникулы, а потом — девятый класс.

Как время летит! Женя вспомнила, как несколько лет назад зимой, когда она пришла к брату и они сели за стол обедать, раздался звонок в дверь. Виктор пошел открывать и увидел одноклассника Любаши, увешанного пистолетами и шпагами, который сообщил, что вызывает его дочь на дуэль. В чем там было дело, Виктор так и не дознался, и в дом войти дуэлянт наотрез отказался, сказал, на улице обождет. Любаша быстро опустошила тарелку под недовольным взглядом Ляли и выскочила во двор, где ее ожидал дуэлянт. До дуэли не дошло. Дуэлянт неожиданно предложил перемирие

и пригласил ее в кино. Этот случай стал семейным преданием и ознаменовал переломный момент — переход от детства к отрочеству.

Вот она уже и из подросткового возраста выпрыгнула и вскоре в другой выпрыгнет, вдруг подумалось Жене.

— Значит, почти на все пятерочки закончила? Ну, умница моя золотая! — Женья поставила на стол блюдо с картофелем, густо посыпанным зеленью, и принесла курицу с салатом.

— Да, только по математике и по физике четверки. Да еще по физкультуре, — вздохнула Любаша, принимаясь за салат.

— А что ж так?

— Да я прыгать в длину не умею. И на брусках тоже не могу переворачиваться... Вот была бы я, как твоя Лорочка... Она такая красавица! И гимнастикой занимается... А меня мама даже на балет не хотела водить. Я, когда маленькой была, хотела стать балериной, помнишь?

Любаша продолжала щебетать, а тетка тем временем думала, как же повернуть разговор в нужное русло. Она давно уже намеревалась поговорить с племянницей, а сегодня решила это намерение осуществить. Сердце подсказывало ей, что наступило время поведать Любаше семейную тайну или попросту рассказать о вещах, которые родители от нее все еще утаивали. Она не могла объяснить, что именно толкало ее на этот разговор, но интуиция властно требовала, чтобы он состоялся именно сегодня, и Женья полностью доверилась этому чувству.

Любаша заметила теткино замешательство.

— Теть Жень, о чем ты думаешь? — осведомилась она, обглядывая крылышко.

Тетка посмотрела на племянницу долгим и странным взглядом, словно взвешивая все «за» и «против».

— Я должна рассказать тебе кое-что, — после некоторых колебаний вымолвила она. — Это касается тебя и... твоего отца. Ты все равно узнаешь об этом рано или поздно, но лучше уж я расскажу тебе сама, чем ты бог весть что услышишь от других.

У Любки мгновенно округлились глаза. Лавина вопросов была готова сорваться с языка, однако внушительный тон вступительного слова тетки заставил ее притихнуть, и она терпеливо ждала продолжения.

— Значит так... У тебя есть старший брат. Его зовут Сашей, — выпалила Женья без дальнейших предисловий.

— Брат? У меня есть брат? Правда? Ты не шутишь? Какой — двоюродный или троюродный?

— Не двоюродный и не троюродный. Родной. У тебя есть родной брат.

— Родной? Вот это да! — Любаша вскочила со стула и начала прыгать по комнате. — Ура! У меня есть брат!

Теперь опешила Женья. Она ожидала вопросов, недоумения, приготовилась к долгим объяснениям... Она ожидала чего угодно, только не такой реакции.

— А где, где он? — не унималась Любка. — Давай пойдем к нему! Прямо сейчас.

— Постой, погоди, — попыталась остановить ее Женья. — Он не здесь.

— А где? Ну, где же? Ну тетя Женечка, ну пожалуйста, скажи, где он!

— Погоди, погоди, он в Сибири, я не знаю его адреса...

— В Сибири? Почему же в Сибири? Кто его туда сослал?

Тут уж тетка расхохоталась, схватившись за бока и приговаривая:

— Кто его туда сослал! Ха-ха-ха! Ой, уморила! Ну и Любка! — Она утерла слезы. — Его туда Таня увезла, мать его. Он маленький тогда был. Папа твой посылал им деньги, помогал, чем мог, а когда Саша подросток, все связи прервались.

— Почему прервались?
— Так Таня захотела. Ты ее строго не суди. Непросто ей было. Поймешь, когда повзрослеешь.
— Значит, адреса его у нас нет... А что же теперь делать? — растерянно спросила Любка. — Как же нам его разыскать? Он ведь обо мне, наверное, даже и не знает!
— Наверное...
— Что же делать? — повторяла Любка. — Мы должны его обязательно найти! Ну тетя Женечка, ну придумай же что-нибудь!
— Ладно, ладно, я постараюсь что-то придумать, хотя пока ума не приложу, что именно.
Они расстались, как два заговорщика, решив ничего не говорить ни отцу, ни матери.
— Если они от меня скрывали все это время, что у меня есть брат, то и я от них буду скрывать, что знаю о его существовании, — обосновала Любка свое решение.
На это возразить было нечего.

* * *

Как только дверь за племянницей захлопнулась, Женя мгновенно пожалела о содеянном. И дернул же ее черт за язык! Вот так скоропалительно открыть семейную тайну! Это была сумасбродная идея, и Виктор бы очень рассердился, узнав, что за его спиной творится такое. А то, что родная сестра выступила в роли зачинщицы, уж не простил бы ни за что. Любушку он любил безумно, оберегал от всего, что могло бы омрачить ее. Успеет еще столкнуться с жизнью! Мысль о Саше сверлила постоянно, но к разговору он был не готов. Известие о том, что ее обожаемый и такой «правильный» папочка был женат, да еще и имел сына от первого брака, могло бы стать для Любаши потрясением, крахом представлений о семье. На чашу весов было положено его собственное реноме. Взвесив все «за» и «против», Виктор решил пока замять факт существования Саши.

* * *

Возбужденная разговором, Любаша вернулась домой и стала раздумывать о том, как же разыскать таинственного брата.

Два дня она провела, читая Джека Лондона, чем вызвала дополнительные нарекания Надежды Константиновны, всячески пытавшейся отвлечь ее от чтения. В другое время Любка поддалась бы на провокацию, но мысль о брате подняла ее над всеми бабкиными ухищрениями. Она молчаливо пропускала мимо ушей все колкости, чем озадачила Надежду Константиновну не на шутку — причина такой неожиданной неуязвимости внучки была весьма загадочной.

А внучка пребывала на далеком севере, окруженная сиянием льдов и снегов, и до бабки ей ровным счетом не было никакого дела. Она ушла так далеко в поисках брата, что даже не услышала звонка в дверь в полдень, когда дочитывала «Зов предков».

Бабушкины шаги по длинному коридору коммуналки удалились, а потом снова приблизились.

— Люба! — ехидно позвала Надежда Константиновна, появляясь на пороге комнаты.

Любка оторвалась от книги, глядя на бабушку отсутствующим взглядом. Надежда Константиновна ухмыльнулась, и в глазах у нее зажегся злорадный огонек.

— Ну что, вставай, читательница, — братец твой приехал, — бухнула она, наблюдая за реакцией внучки.

Любка закрыла книгу и поднялась с дивана.

Надежда Константинова выжидательно прищурилась, предвкушая недоумение, неловкие попытки брата объяснить что-то, нежелание Любки поверить, шок, ссору, слезы, суматоху... А потом Ляля — ее! Окончательно и бесповоротно! И уж она постарается, чтобы все было восстановлено: киношник, любовь, новая семья. Она сумеет убедить Лялю встретиться с ним, а если что — сама заявится к нему, бухнется в ноги, как некогда перед дочерью, повинится, благословит...

Увы, и на сей раз у нее вышла осечка.

Северный вихрь «Зова предков» буквально сдул Любку с дивана. В первую минуту она подумала, что это сон или что вредная бабка пробралась к ней в мысли и прочитала там о брате, а теперь нарочно разыгрывает ее. Во вторую минуту она поверила во все чудеса на свете. А в третью — на пороге показался он, родной с первого взгляда, ее собственный и настоящий. Брат.

— Саша! — воскликнула она и бросилась к нему на шею.

Надежда Константиновна остолбенела. Саша поначалу тоже опешил, а потом быстро обнял сестру в ответ, как свою, и через две минуты они уже бежали встречать отца у автостоянки, где тот обычно парковал машину.

* * *

Виктор завидел их издали — свою дочь-подростка под ручку с молодым мужчиной. Лицо у него помрачнело. Однако он терпеливо ждал, пока они подойдут.

Пока они двигались к нему навстречу, свершалась непостижимая возрастная метаморфоза в его Любушке, и чем ближе они подходили, тем явственней проступали в ней черты юной девушки, всего лишь немногим моложе тех, с которыми он бок о бок сражался на войне. Как давно это было и как недавно! Любушка, зачем же ты так торопила время? Неужто не знала, что оно необратимо, что тропка в страну чудес нарастает навсегда? А она шла прочь от безмятежности, не оглядываясь, держа под руку молодого человека... С ним, положим, Виктор разберется, только Любушку это уже не вернет.

Тем временем молодой человек стремительно и неотвратимо приближался под напором Любки, глядя на Виктора во все глаза. Ну, чего пялишься? Понравиться небось хочешь?

Молодой человек остановился и сдержанно поздоровался.

— Это Саша, — просто сказала Любка, наблюдая за отцом.

Виктор никак не отреагировал на имя и только искоса взглянул на интересного, но явно не по возрасту его дочери незнакомца. Возникла неловкая пауза.

— Пап, а давай ты прокатай нас! — вдруг попросила Любка с теми же странными нотками в голосе.

Сердце Виктора дрогнуло. Совсем еще ребенок! Он кивнул и открыл им двери новенького «Жигули». Они сели вдвоем на заднее сиденье, и Любка продолжала держать молодого человека за локоть, словно боялась, что он убежит. Машина медленно двинулась вдоль парка. Виктор наблюдал за ними в зеркало, бросая озабоченные взгляды на незнакомца.

— Пап, он тебе нравится? — поймав его взгляд в зеркале, спросила Любка.

— Нравится, — процедил сквозь зубы Виктор, не понимая, как же быть дальше.

— Мне тоже, — радостно сообщила Любка. — А правда, мы с ним похожи?

Тут уж Виктор окончательно помрачнел. Ни за что на свете не мог он признать, что его единственная дочь, свет его очей, похожа на какого-то проходимца. Он и смотреть на него не стал. Терпение Виктора лопалось. И вдруг...

— Папа, — тихо произнес Саша.

Машина взвизгнула, рванув зигзагом к дереву, и остановилась как вкопанная в двух миллиметрах от ствола. Виктор резко повернулся к сыну, издав то ли крик, то ли плач.

Они бросились друг к другу, как бросаются люди, разлученные судьбой, бросаются наперекор, вопреки, назло... Волна, захлестнувшая их, буквально вынесла Любку из машины, где отец и сын сцепились в объятиях, превратившись в единый клубок нервов и мышц.

* * *

Все трое вернулись домой в том расслабленном, умиленном состоянии, в котором пляжник возвращается под вечер с пляжа. На лестничной клетке уже вертелся и кружил запах жареного лука, мяса и картошки, повизгивали сковородки и кастрюли. Ляля явно была в курсе.

Любаша тут же побежала звонить Жене, чтобы пригласить ее с семьей на обед. Поначалу тетка подумала, что племяшка разыгрывает ее, но по восхищенным Любкиным интонациям поняла, что сказка стала былью, и ринулась к Виктору вместе с Лорочкой и Сергеем.

— Сын моего мужа — мой сын, — самоотверженно произнесла Ляля первый тост.

Все радостно чокнулись, а Виктория Ефимовна украдкой утерла слезы, наворачнувшиеся на ее выпуклые зеленые глаза.

Праздновали все, за исключением Надежды Константиновны, которую дочь поспешно отправила в Калараш под предлогом, что у них нет дополнительных кроватей. О ней никто и не вспомнил, не поинтересовался, где она, будто и впрямь не было ей места в этой праздничной композиции.

Пока все оживленно ели и пили, Виктор смотрел на Сашу с Любашей, которых посадили вместе напротив него. Как они похожи! А он и не заметил поначалу... Вот она, жизнь. Из неправильных решений, ошибок и описок, невзгод и разочарований выросли такие прекрасные дети...

Так начался счастливейший месяц в жизни Виктора.

НЕ УЕЗЖАЙ!

Памяти Саши

Все это время Любка с Сашей были неразлучны. Вместе ели, вместе гуляли, вместе ходили на пляж.

— А знаешь, кто мне о тебе рассказал? — спросила Любка, когда на второй день они сидели на берегу, глядя, как Виктор делал заплыв до буйка.

— Кто?

— Тетя Женя. Буквально за два дня до твоего приезда. Представляешь?

— Да ну? А я голову ломал. Так удивила ты меня тогда. Так ты, оказывается, подготовленная была.

— Ага. Представляешь?

— Как же это она узнала?

— Почувствовала! Она все чувствует. Все-все! И я тоже все чувствую.

— Ты что, тоже чувствовала, что я приеду?

— Нет. Если честно, я колдовала.

— И как же это, интересно?

- Книжку одну читала. «Зов предков» называется.
- И все?
- Нет, не все. Читала и представляла твою Сибирь. И ты делался все ближе и ближе. И потом приехал.
- Ясно.
- Что, не веришь?
- Верю, как не верить. А я о тебе вообще ничего не знал. Просто разыскал отцовский адрес в справочном бюро и купил билет.
- А что твоя мама сказала?
- Она была против. Только я уже взрослый. Сам решаю. Мать приняла свое решение однажды, не спросив, а теперь мой черед.
- Везет тебе... Ты взрослый, сам можешь принимать решения...
- Да ладно, не грусти. Взрослым быть не так уж и просто.
- Невзрослым быть тоже нелегко...
- Да знаю, знаю, помню еще! — он рассмеялся и потрепал ее по голове.

* * *

Такое небывалое везение трудно было себе представить. Мало того, что у Любки появился брат, так еще и старший! Готовый старший брат. Поначалу Любке никто не поверил. Подруги думали, что ну в крайнем случае двоюродный какой-нибудь попляжиться приехал, а как удостоверились — ахнули. Каждая в детстве мечтала о старшем брате, и теперь, когда он появился у одной из них, все его тут же присвоили, сделали общим. Любка не возражала.

Подружки стайкой ходили за ними, провожая их то в парк, то в кино, то на пляж, и поджидали во дворе по утрам. Только когда появлялись Виктор с Лялей, они оставляли их в покое.

На вторую неделю пребывания в Одессе Саша заболел. Климат оказался непривычным для сибиряка, и купание в море с утра до позднего вечера сказалось не лучшим образом. К вечеру он слег с высокой температурой, и Ляля с Виктором растирали его мазью, поили чаем с малиной и давали аспирин.

Любка стояла и смотрела, как родители дружно хлопотали вокруг него, и сама пыталась внести лепту в лечение брата.

— Погоди, не мешай, — всякий раз говорила ей Ляля, когда дочь просовывала голову между нею и отцом.

— Любка, выходи! — то и дело слышалось со двора. Подруги терпеливо ждали минут пять, а потом опять начинали звать.

Наконец она выглянула.

— Ну, вы где там? — выкрикнула Светка.

— Да тише ты! — махнула на нее рукой Любка. — Брат заболел. Родители его лечат.

— Ой... — Светка прикрыла рот ладонью и встревоженно поглядела на подруг, которые точили лясы на ступеньках Любкиного дома.

— Чего там? — спросила Наташка. — Скоро они?

— Не выйдут сегодня, — негромко сказала Светка. — Брат заболел...

— Что? Ой! Девчонки, брат заболел!

— Как заболел? Чем? — всполошились подруги.

— Не знаю. Любка, чем заболел-то?

— Температура у него высокая.

Среди подруг начался переполох. Со двора доносилось попеременно: «Брат заболел!» — и шиканье.

Когда Любка выглянула вновь, подруги сидели рядком напротив ее дома и смотрели, задрвав головы, в ее окна на втором этаже.

— Ну как он? — тихо спросила Ирка.

— Лучше. Температура немного упала. Пока уснул.

— Ну ты смотри, скажи нам, если чего надо. Мы тут пока подежуриим.

Так и продежурили до полуночи.

Наутро Саше стало легче, температура спала, и он попросил поесть.

— Попросил поесть, — доложила Любка подругам.

Через пять минут они уже звонили в дверь, и каждая держала в руках что-то съестное.

— Девочки, да что вы! — всплеснула руками Ляля, которая взяла отгул, чтобы поухаживать за Сашей. — У нас же все есть!

— Это ничего, — смущаясь, ответила Ленка. — Вы возьмите... Мы, это... гостинцев принесли.

— Хорошо, хорошо, кладите все на стол, — согласилась Ляля.

— А взглянуть на него можно? — спросила Анжела под одобрительные кивки подруг.

— Да можно, можно, — ответила за Лялю Любка. — Только по одной. Загляните, поздоровайтесь и не приставайте с вопросами.

* * *

Через день Саша был уже в норме. Подружки обступили их с Любкой, когда они вышли во двор.

— Ну, куда пойдём? — поинтересовалась Светка.

— Мы, вообще-то, в город собрались, — ответила Любка. — Хотим сделать фото на память.

— Ой, фотографироваться идем, девчонки! — захлопала в ладоши Ленка.

Саша слегка улыбнулся, ничего не говоря.

— А кто тебя приглашал? — спросила строго Светка, не столько чтобы одернуть Ленку, сколько чтоб уяснить ситуацию.

— А разве неясно? — вскипела Ленка. — Брат уезжает, нужно фото на память сделать!

Саша рассмеялся.

— Конечно, нужно. Все идем в фотоателье. Сделаем один общий снимок и один наш с Любашей. Идет?

— Идет! — согласились все разом.

* * *

В ателье фотограф явно вострепнулся, завидя оживленную группу подростков во главе со взрослым мужчиной.

— Это что за хоровод? Пионерки с пионервожатым пришли сниматься?

— Каким пионервожатым? — возмутилась Ленка. — Разве он похож на пионервожатого?

— Это брат, — пояснила Любаша.

— Да, это наш брат, — подтвердила Ирка.

Анжела молча поправляла волосы у зеркала.

Фотограф окинул их изумленным взглядом.

— Как брат?

— А так, — подмигнула всем Светка. — «Сын полка» читали?

— Какого еще полка? Что вы мне тут голову морочите, чес-слово! Становитесь же, сестры милосердия! — фотограф включил свет и расставил девчонок вокруг Саши. — Так. Вроде порядок. Теперь посмотрите в объектив и замрите.

Легко сказать!

Все замерли, еле сдерживая смех, и еще долго потом замирали, глядя на это фото много, много лет спустя, уходя памятью за его рамки, когда смех таки вырвался после окончания съемки и за дверьми фотостудии их ждала еще целая жизнь.

— А теперь нас вдвоем, — попросил Саша, указав на Любку.

— А вот вы точно брат и сестра, — сказал фотограф, настраивая объектив. — Ну-с, поехали в вечность...

После фотоателье все отправились есть мороженое в «Снежинку».

— А брату можно? — поинтересовалась Ирка, когда все расселись за столиком с переполненными пиалами чуть подтаявшего белоснежного, политого вишневым сиропом мороженого.

— Ой, и правда! Как я сразу не подумала! — воскликнула Любка. — Ты ведь только болел!

— Неверно формулируешь, сестра, — ответил Саша, набирая мороженого в ложку. — Я только выздоровел, а не только болел. Чувствуешь разницу?

Все согласно закивали и принялись за мороженое.

* * *

Провожали Сашу всей семьей. В аэропорт приехали заранее и все топтались на месте, не зная, что еще можно добавить к этому избытку чувств. Виктор смотрел и смотрел на сына, на одной руке которого повисла Любка, а на другой — сумка.

— Не уезжай, — жалобно повторяла Любка, и с тоской в голосе срифмовала: — Три недели пролетели, не осталось ни недели...

Подруги деликатно стояли поодаль и только вздыхали.

— Девочки, да идите же к нам, ну чего вы там стоите? — махнула им рукой Ляля.

Девчонки сорвались с места и бросились к Саше, восклицая наперебой:

— Не уезжай! Не уезжай!

— Да приеду я, приеду, — уверял он всех. — Теперь уж дорогу знаю.

— Мы будем ждать, — пообещала Ирка.

— Будем, обязательно будем! — поддержали ее остальные.

И они ждали — даже когда семьи их получили квартиры в новых районах, даже когда они повыходили замуж и родили детей, даже когда разъехались по разным судьбам. Они ждали всегда и ждут по сей день, потому что пока не отпускает память — живо ожидание.

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Надежда Константиновна умирала мучительно.

За два месяца до смерти ей приснился покойный муж, который сообщил ей, что придет за ней третьего.

— Не понимаю, что он имел в виду, какого третьего, — недоумевала она.

— Куда ночь, туда и сон, мама. Хватит ерундой заниматься, — оборвала ее Ляля. — Я замуж выхожу.

— Лялечка, радость моя, ну наконец-то! За кого? За директора?

— За него. Перееду вскоре, оставлю вам с Любой квартиру. У нее семья, ребенок, им жизнь строить нужно...

Все стало распадаться с отъездом Саши. Словно он был последним скрепляющим звеном этой семьи, последней ее попыткой. Спустя некоторое время после его отъез-

да Ляля за обеденным столом сделала заявление о том, что намерена выписать мать из Калараша. Виктор вопросительно посмотрел на нее.

— Это еще зачем?

— А что ты думал, я вот так всю жизнь буду мучиться в этой квартире? — перешла в наступление Ляля. — Ты там у себя ничего добиться не можешь. Ни телефона, ни квартиры. Даже на очереди не стоишь!

— Так не ставят на очередь. Ты ведь знаешь, у нас метраж большой.

— А станет маленький! Вот вызову мать, пропишу у нас и стану в очередь на квартиру. У тебя дочь подрастает. Тебя что, не волнует, в каких условиях она будет жить?

— В каких? Отопление, вода горячая, спальня своя. Соседи как родные.

— В том-то и дело, что «как». Тебе чужие как родные. А у меня мать одна!

— Так что, ты ее сюда жить привезешь?

— Привезу! Дом ее продам и привезу!

— Зачем?

— Ты что, издеваешься? Я же тебе русским языком говорю: хочу жить в нормальных условиях.

Виктор покачал головой, молча доел обед и вышел из-за стола.

В душе он надеялся, что дом в Молдавии не так-то легко будет продать и что пока можно не волноваться. Он любил эту квартиру, этих соседей, этот двор с виноградными лозами, оплетающими балконы. Вот здесь стояла кровать новорожденной Любушки, а тут, на двери, зарубки: она в годик, в три годика, в пять лет... И печь с лепниной. Как Любушка любила сидеть на табуреточке и глазеть на мигающие угольки! Теперь у них паровое отопление, которое он сам провел, то есть нашел людей, заплатил, договорился. А печь так и осталась — величественная, загадочная, вынашивающая в себе воспоминания о тепле...

Ляля провернула все молниеносно. Кто бы мог подумать, что в течение нескольких месяцев она продаст дом, оформит проживание матери и встанет на очередь на трехкомнатную квартиру в новом девятиэтажном доме чешского проекта!

В один прекрасный день она пришла сияющая с работы, чего не случалось с ней очень давно, и победоносно покрутила ордер на квартиру перед носом соседей.

— Сбылось, — обреченно проговорила Виктория Ефимовна. — Значит, все-таки уезжаете.

— Не уезжаем, а переезжаем, — бросила Ляля, направляясь летящей походкой к себе.

Виктория Ефимовна только вздохнула. Вот и кончились их золотые деньки. Семнадцать лет как не бывало. За это время и Миля Ефимовна умерла от сердечной недостаточности, и правнучка у них родилась с какой-то психической болезнью, и Любушка совсем выросла.

В Любушке действительно все росло, тянуло ее из прежних юбок и платьев, вылезало из рукавов. Ей это не особенно нравилось, тем более сейчас, когда хотелось наоборот — сжаться, свернуться калачиком, стать маленькой, незаметной и никуда отсюда не уходить.

По вечерам она стучалась к Виктории. Они о чем-то шептались, пока Исай Семенович читал газету. У них были свои девичьи секреты, о которых знали только карты, что раскладывала Виктория Ефимовна втайне от Ляли и Виктора.

— Я буду к тебе приходить, — обещала ей Любушка. — Мы еще пойдём с тобой в оперетту смотреть «Белую акацию», а потом будем есть мороженое. Вот увидишь!

Виктория печально улыбалась, вспоминая своего любимчика Михаила Водяного, звезду одесской оперетты, получившего звание народного, к недовольству его недоброжелателей. Вся Одесса бурлила от негодования и выражала свою поддержку бурны-

ми овациями, когда на пике травли ее обожаемый Мишка Япончик выходил на сцену и произносил свою коронную фразу: «Мое почтение, господа!» Завистникам было невдомек, что, замахнувшись на всеобщего кумира, они замахнулись на лицо города. А это всегда было чревато серьезным отпором.

Новая квартира была со всеми удобствами, а души в ней не было. Это ощущалось сразу, с порога. Может, дело было в планировке, а может, в соседях по лестничной клетке, только ничего ни у кого там не складывалось. В квартире напротив, например, где жили два профессора математики, ровесник Любы стал наркоманом, и его вскоре нашли убитым. В двух квартирах рядом никто никак не рождался. У Виктора была, казалось бы, самая полноценная семья, но, к удивлению соседей, и она распалась в один прекрасный день.

Дом был безнадежен. Из него стали переезжать в другие места, сменяясь и размещаясь, и Ляля, решившая подать на развод, тоже занялась разменом.

Ляля была уверена, что формальное расторжение брака ничего не изменит в ее жизни. Даже наоборот, улучшит. С видом победительницы поднесла она Виктору заявление на подпись, ожидая, что он начнет просить, чтобы она отсрочила развод, но он подмахнул все не глядя и укатил в Баку.

Ляля так и осталась стоять с бумагами в руках, пока лифт уносил Виктора с чемоданчиком вещей из ее жизни.

* * *

Надежда Константиновна моментально включилась в организацию второго замужества дочери. Подшивала вечернее платье, давала советы, составляла рецепты блюд для свадебного стола, который решено было делать у жениха.

И свадьба состоялась.

— Ну вот и хорошо, вот и славно. Я рада за тебя, Лялочка, очень рада! — говорила, обнимая дочь, Надежда Константиновна. — А за Любку не беспокойся — мы поладим. Квартира большая, места всем хватит. Да и Мишеньку, правнучка своего, я люблю до безумия... Рученьки его махонькие возьму иной раз, глажу, целую, нарадоваться не могу...

Вскоре у Надежды Константиновны открылось желудочное кровотечение. Ее госпитализировали с диагнозом последней стадии цирроза печени.

После возвращения из больницы она притихла, ходила в задумчивости по квартире.

— Мама, да все будет хорошо, не переживай! Я тебе лучшие лекарства достала, лучших врачей нашла, — с раздражением говорила Ляля, на время переселившаяся к матери.

— Да я и не переживаю, — кратко отвечала Надежда Константиновна. И снова уходила в себя.

В конце февраля ее вновь забрала «скорая» с кровотечением, и на сей раз все оказалось очень серьезно.

Ляля просиживала в палате матери сутками, отпросившись с работы. Ни медсестрам, ни нянечкам она не могла доверить уход за больной.

— Какая ты у меня прекрасная дочь, — слабо улыбалась Надежда Константиновна. — Что бы я без тебя делала? Ты только не переживай и не переутомляйся. Побереги себя, слышишь?

— Слышу, мама, слышу. Я уже отдыхала.

Когда Надежда Константиновна забывалась, Ляля бежала домой переодеться и чуточку поспать. Ее встречали запах материнских вещей в гардеробе, войлочные тапки, серый пуховый платок, которым Надежда Константиновна укутывала плечи.

— Мама, мамочка, — шептала она вещам. — Ты держись, не уходи от нас.

Вспоминалось все вместе, кубарем — то детство, то юность, то Виктор, то признаки материнское.

— Ты ни в чем не виновата, ни в чем, — шептала Ляля, пытаясь вздремнуть. — Это я, все я...

Позвонила Виктору, рассказала о матери. Он угрюмо выслушал и спросил, чем может помочь.

— Ничего мне не надо. Позвоню, если что.

— Позвони.

На сей раз сон сморил ее неожиданно, и очнулась она только утром.

— Как же так! Как же так! Всю ночь проспала! — сокрушалась она, быстро собираясь в больницу.

* * *

— Лялечка, — проговорила мать, завидев ее. — Как я рада, что ты наконец отоспалась.

— Прости, мама, прости, сама не знаю, как это получилось!

— Правильно все получилось, Ляленька. Только не хватало, чтобы ты от переутомления свалилась! На тебе и так все: и дом, и работа, и Любка с семьей. Хорошо, что замужем теперь за надежным человеком. Хоть не будешь Любку обслуживать.

— Мама, мамочка, ну что ты, мне же в радость. И внук такой замечательный, в честь папы Мишуткой назвали...

— А ты все равно береги себя... береги... — Она на секунду умолкла, раздумывая.

— Что, мама?

— Сегодня всю ночь птица кричала...

— Какая птица?

— За окном. Сова, должно быть.

— Ну откуда здесь совы? Мама, ты лучше расскажи мне что-нибудь из своей жизни.

— Да ты все знаешь. Сколько раз рассказывала...

— А ты еще расскажи.

— Какое сегодня число?

— Число? Третье, кажется...

— Третье что?

— Марта.

— Марта. Третье число третьего месяца...

— Мама, ну что ты вспомнила вдруг! Тебя скоро выпишут, домой поедem, Мишеньку увидишь.

— Выпишут, выпишут. Всех нас выпишут... Послушай, что я тебе скажу... Пододвинься ближе.

Ляля пересела на край кровати. Надежда Константиновна взяла ее руку.

— Рука у тебя такая деликатная, тонкая... Тебе бы дворяночкой быть, а ты всю тяжелую работу сама выполняла всегда. Вон как жилочки вспухли...

— Мама, ну какая дворяночка? Ну что ты такое говоришь, родная моя!

— Родная-то родная... а вот похожа ты на мою подругу покойную... как две капли...

— О чем ты, мамочка?

— Ты слушай. Подруга у меня была, Лялей звали... вылитая ты...

— Это та, что из окна выбросилась с ребенком?

— Да не выбросилась она... Ее выбросили...

— Кто?

— Об этом мы никогда не узнаем. Муж ее высокий пост занимал, летчиком был военным. Антюшев фамилия его... пропал без следа... Люди в его чине не пропадают просто так...

Она стала чаще дышать.

— Мама, мамочка, это все давно было, тебе нельзя волноваться. Я сестру сейчас...

— Не нужно сестру... я же тебе сказала... Не перебивай. Слушай. Их убили. Власти и убили. А потом ты у меня родилась. Точь-в-точь она.

— Ну и что? Мало ли похожих людей?

— Нет, есть в этом что-то... Что-то свыше, напоминание...

— О чем напоминание, мама, ну, о чем?

— Напоминание о том, что нужно помнить... Мне напоминание через тебя дано было. Все годы жили благополучно, на многое глаза хотелось закрыть, позабыть, а на тебя взгляну — и память возвращается... Ты береги себя, береги! Память возвращается не зря.

— Я... я не понимаю...

— Дай бог тебе не понять никогда. — Она не договорила, побледнела и закатила глаза.

— Сестричка, сестричка, скорее сюда, маме плохо! — закричала Ляля, выскочив в коридор.

По коридору уже неслась медсестра со шприцом наготове.

— Сейчас сделаем ей укол. — По ее замкнувшемуся враз лицу было видно, что готовится что-то роковое.

— Всю историю переписали, — начала метаться в агонии Надежда Константиновна. — Жизнь нашу переписали... Не верь, не верь! Ляля, Лялечка!

— Да сделайте же что-нибудь! — взвизгнула Ляля. — Мамочка! Посмотри на меня, посмотри!

Она стала изо всех сил трясти умирающую.

Надежда Константиновна обвела глазами палату и выдохнула всю свою жизнь.

* * *

На кладбище ехали на фабричном автобусе.

Виктор с Димой, мужем Любаши, достал шины, чтобы землю разморозить. На поиски ушло два дня. На третий и похоронили Надежду Константиновну.

И жизнь двинулась дальше.